

Андрей Данилов

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ СВЕРХЧЕЛОВЕКА

Милый мальчик, ты так весел, так светла
твоя улыбка,
Не проси об этом счастье, отравляющем
миры,
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта
скрипка,
Что такое темный ужас начинателя игры!

Тот, кто взял ее однажды в повелительные
руки,
У того исчез навеки безмятежный свет
очей,
Духи Ада любят слушать эти царственные
звуки,
Бродят бешеные волки по дороге
скрипачей.

Надо вечно петь и плакать этим струнам,
звонким струнам,
Вечно должен биться, виться обезумевший
смычок,
И под Солнцем, и под вьюгой, под
белеющим буруном,
И когда пылает запад, и когда горит
восток.

Ты устанешь и замедлишь, и на миг
прервется пенье,
И уж ты не сможешь крикнуть,
шевелинуться и вздохнуть, -
Тотчас бешеные волки в кровожадном
исступленьи
В горло вцепятся зубами, встанут лапами
на грудь.

Ты поймешь тогда, как злобно насмеялось
все, что пело,
В очи глянет запоздалый, но
властительный испуг.
И тоскливый смертный холод обовьет, как
тканью, тело,
И невеста зарыдает, и задумается друг.

Мальчик, дальше! Здесь не встретишь ни
веселья, ни соковищ!
Но я вижу – ты смеешься, эти взоры – два
луча.
На, владей волшебной скрипкой,
посмотри в глаза чудовищ

Это была его любимая погода – дождь и ветер. Хотя, впрочем, ожидать от серой и нудной осени чего-нибудь более изящного и фривольного можно было бы только в том случае, если бы тополя, мимо которых шел Карелин, стали бы вдруг плодоносить бананами. Да, был обычный осенний день и сверхчеловек, назначивший сегодня свидание женщине, которую одни представляют мерзкой старухой с невымытыми волосами, а другие – прекрасной златокудрой девочкой, мысленно благодарил природу за то, что она придумала такие чудные декорации для его последнего спектакля. Мелкий дождик в лицо, огромные желтые листья, цепляющиеся за обнаженные кусты как за последнюю надежду, – вряд ли нужно иметь гениальный ум для того, чтобы разглядеть в этих предсмертных хрипах естества лукавую усмешку жизни, которая наступит через несколько месяцев. Отчего же человек так боится смерти и так любит играть с ней? Артур прекрасно знал ответ на этот вопрос, но теперь, когда закончилась эра теории и наступили минуты практики, снова задал его себе. Он был артистом и ученым, он, наконец, был сверхчеловеком, точно определяющим цену вымыслу и реальности, и сейчас, отодвинув в сторону все свои знания, внимательно прислушивался к собственному организму, пытаясь уловить и пропустить через себя эту тайну исступленного страха и неизъяснимого очарования Последнего Дня, которая так будоражит ум обычного человека...

Глава 1

«Кто может сравниться с Матильдой моей, сверкающей искрами черных очей?..» Голос, наэлектризованный счастьем, казалось, готов был сокрушить валом искрящихся обертонов всякого, позволившего себе усомниться в совершенстве его Дамы Сердца. Легкий поворот ручки пульта в режиссерской кабине – и этот же голос, уже полный сдержанного бархата, выводил томные рулады неаполитанской песни, воспевающей красоту лунной ночи. Еще один поворот – и голос, безжизненный и больной, пел рок-балладу о неизбежности гибели мечтателя, дерзнувшего подняться против воинствующей серости...

Артур Карелин, пользуясь тем, что режиссер телепередачи перед началом интервью давал в эфир коллаж из произведений, певшихся им в разные годы, и назойливые зрачки телекамер в студии еще не обрели осмысленности взгляда монстра, препарирующего душу, ссутулившись

и закрыв глаза, сидел в кресле. Он не любил смотреть и слушать себя в записи, ибо то блаженное мгновение творчества, которым он жил при исполнении этих вещей, никогда не выдерживало взгляда со стороны, немного отстраненного и более объективного. Видимо в этом и заключается необъяснимый «наркотик» искусства, когда выложившись при исполнении до предела и получив свою порцию восторга и восхищения от зрителя, при прослушивании записи своего выступления признаешь, что вещь могла бы получиться совершенной, если бы чуть-чуть... Это мистическое «чуть-чуть», видимое только самому творцу, этот маленький зазор между идеальным образом, существующим внутри тебя, и тем, немного ущербным своей недосказанностью, который выходит при исполнении наружу и составляет каторжно-прекрасную магию творчества, заставляющую начинать все заново, которая ведома лишь немногим посвященным.

Артур встрепенулся, почувствовав легкое прикосновение руки ведущей, молчаливо предупреждающей его о включении телекамер и, выпрямившись в кресле и натянув на лицо знаменитую карелинскую улыбку, приготовился к работе. Это была, пожалуй, самая болезненная сторона популярности, к которой он так и не смог привыкнуть: в момент, когда мысли твои далеко, а в душе почему-то черно и пусто и больше всего на свете хочется вытянуться в гамаке, закрыть глаза и спокойно обдумать очередную «авантюру», как он называл свои творческие проекты, нужно убедительно и обаятельно отвечать на дурацкие вопросы, которые почему-то так любят задавать журналисты.

– Добрый вечер, уважаемые дамы и господа! Как вы, наверно, уж догадались по нашей заставке, сегодняшней гость нашей студии – известный певец, актер и писатель Артур Карелин.

Натали Бенуа жестом, сводящим с ума большинство двуногих, носящих брюки, поправила прическу и, бросив быстрый взгляд на экран монитора, контролируя свой внешний вид, продолжила:

– Широта ваших интересов и, самое главное, те результаты, которых Вы смогли достичь в очень далеких друг от друга жанрах искусства, известны всем и поэтому, я думаю, наших телезрителей очень волнует вопрос: как Вам удастся все это совмещать, да еще и достигать везде верхней планки?

«Так, сейчас кому-то будет очень больно, – неприязненно глянув на красотку-телезвезду, подумал Карелин, – и какого черта я согласился на участие в этом балагане?» Дело в том, что практически все журналисты, считающие себя интеллектуалами или теоретиками искусства, очень любили задавать ему в разных вариантах этот вопрос, причем каждый раз требовали от него чего-нибудь свежего и оригинального, доводя до глухого бешенства. Несколько месяцев назад Артур честно предупредил

журналистскую братию о том, что следующий человек, которому придет в голову поинтересоваться истоками его разнопланового творчества, позавидует кончине Джордано Бруно. Но эта очередная «умница» либо ничего об этом предостережении не знала, либо, нахально понадеявшись на свои женские чары, просто не приняла его всерьез, и снова наступила на любимую мозоль. И Карелин, без того пребывавший не в лучшем расположении духа, начал «боевые» действия.

– Видите ли, ласточка моя, – искусство осаживания надоедливых поклонниц и «зарвавшихся журналюг» было отработано им до мелочей, – если кто-нибудь когда-нибудь сможет однозначно ответить на этот вопрос и убедительно расскажет о том, как он достигает «верхней планки» в творчестве, вы ему ни в коем случае не верьте. Он либо тайно влюблен в вас и рассуждениями о недостижимом для человеческого ума хочет завлечь вас в свои сети, либо безнадежно профессионален, как робот, и тогда ему тем более не дано ощутить в себе эту неподвластную пошлому рацио тайну творчества, рассказами о которой он пудрит вам мозги. Я – дилетант, смиренно признающий себя только инструментом выражения идеи, неизвестно какими путями пришедшей в мой мозг, и ничего кроме невнятного бормотания в ответ на этот, безусловно оригинальный и выстраданный вами вопрос, вы от меня не услышите. Он привстал с кресла, картинно поклонился Натали и, все-таки немного лакируя свое утонченное хамство учтиво-карамельным тоном, продолжил:

– Предвосхищая ваш, вполне естественный интерес к тому, чем же все-таки, с моей точки зрения, отличается дилетант от профессионала, спешу сообщить, что вкладываю в эти слова несколько иной смысл, нежели те творческие импотенты, которые в миру гордо носят звания критиков. Для них дилетантизм – синоним примитивной кустарщины и дешевой самодеятельности, я же подобных людей вообще оставляю за бортом своих теоретических изысканий. Творец для меня начинает существовать только с той минуты, когда он уже подошел к определенному уровню владения основами своей профессии, который дает ему право называться крепким ремесленником. И уже после этого перед ним откроются две двери: или он станет «профессионалом», то есть человеком, работающим на конкретный, им самим предсказуемый результат и пытающимся при помощи идеи, имеющей надчеловеческую, божественную сущность, выразить свои мысли и чувства, или «дилетантом», всецело подчиняющимся идее и предоставляющим свои творческие возможности для материального воплощения тех ее сторон, которые она сама решится доверить людям. Короче говоря, профессионал – это гений, говорящий языком своего

разума, а дилетант – безумец, пытающийся лепетать языком Вселенной. Справедливости ради следует сказать, что «верхней планки» в искусстве с равным успехом могут достичь и те и другие, ведь уровень этой планки диктует вкус большинства зрителей или слушателей, объективность которого весьма сомнительна и зависит от господствующей в данный промежуток времени моды на те или иные эмоции и чувства и способы их выражения. В споре этих творческих антиподов есть и чисто энергетическая черта, разделяющая их. Дилетант, растворившись в идее, начинает работать в режиме самосожжения, пытаясь подключить к творческому процессу инстинкты, еще не до конца задушенные цивилизацией. Те продукты творчества, которые он исторгает из себя, зачастую искренне удивляясь тому, как это после очередного «творческого успеха» он вообще остался жив, отличаются особой энергетикой «живого нерва», почти всегда пренебрегающей традициями ремесла. Профессионал же точно следует канонам жанра, и его произведения, при внешнем совершенстве формы, на эмоциональном уровне более холодны и сдержанны.

Нужно заметить, что вначале, довольно резко взявшись размазывать по эфиру несчастную девушку, попавшую под пресс его плохого настроения, Артур, мельком взглянув в сторону Натали, понял, что стреляет холостыми патронами. Вместо ожидаемого возмущения или гнева он увидел в ее глазах только напряженность мысли неглупого человека, пытающегося осмыслить услышанное, и какую-то особую, чисто женскую пронизательность, безошибочно определяющую причины его хамства и в высшем, доступном только женщинам милосердия прощающую его.

«Какой я... да и причем тут зрители?» Еще только мелькнула тень мысли, а его мозг, подчиняясь заданному импульсу, уже послушно начал выдавать достаточно убедительные и логически связанные фразы, с помощью которых Карелину удалось выпутаться из ситуации, где он уже самому себе становился противен. И сейчас, закончив свою тираду, он уставился на ведущую программы, с тревогой ожидая ее реакции на это неприятное для него признание собственной вины. Натали поняла, что от фразы, которую она произнесет сейчас, зависит и характер их разговора, при малейшей ошибке рискующего превратиться в никчемную перепалку, и ее дальнейшие взаимоотношения с этим ершистым артистом, к которому она чувствовала не только профессиональный интерес.

– Спасибо за то, что сказали больше, чем хотели сказать, – тихо произнесла она и, заметив на лице строптивой «звезды» довольную улыбку, продолжила более уверенно, – ваше разделение творцов на дилетантов и профессионалов навело меня на мысль о том, что «герои

нашего времени» слишком, можно даже сказать извращенно профессиональны. Куда-то исчезли образы, мелодика, господствуют штамп и ритмика... Что это – кризис, смерть культуры, или какой-то временной этап, который мы благополучно преодолеем и возвратимся-таки к безумию дилетантизма?

– А вы – умница, – признательная и одновременно извиняющаяся улыбка Карелина сказала ей, что все трудности позади. – Я уже было подумал, что мне опять придется рассказывать о том, с кем я сейчас сплю и кто был последним любовником моей бабушки, но теперь каюсь..., каюсь...

Он поднял обе руки вверх, а Натали, подыгрывая, изобразила вынимаемый из воображаемой кобуры пистолет и, наставив на Артура указательный палец, сказала подчеркнуто грозным голосом:

– Я оставляю вам жизнь только в том случае, если вы пригласите меня поужинать.

– А я разве еще не пригласил? Проклятый склероз...

Они оба рассмеялись, но Артур, уловив боковым зрением вытянувшееся лицо режиссера, поспешил вернуться к серьезному разговору.

– Видите ли, я не любитель пророчеств и долгосрочных прогнозов, поэтому давайте лучше попробуем разобраться в причинах этого, как вы выразились, «извращенного профессионализма», а там, может быть, до чего-нибудь и додумаемся...

Представим себе первобытного человека, у которого еще не было оснований гордиться плодами деятельности своего разума, который еще чувствовал себя младшим сыном Природы, полностью зависимым от ее милости. Единственным средством выжить для него было растворение в Природе, соединение с ней. И искусство пещерного человека имело только одну цель – самозабвение, самоотречение, слияние в экстазе творческого порыва с символами окружающей среды, для которых он был открыт и прозрачен. Определяющей чертой такого искусства была интуитивность, то, что я ставлю во главу угла, когда говорю об идеологии дилетантизма. Очистьте свое сознание от хлама современного искусства, забудьте все те стереотипы, которые успела внушить вам «профессиональная» культура и постарайтесь представить себе эпоху, когда талант еще имел счастливую способность, не задумываясь о путях реализации идеи, прямо и непосредственно воспроизводить в танце и музыке ритмы Космоса! К сожалению, этот блаженный период язычества длился недолго. Первобытный человек создавал символы космического бытия и истово служил этим символам. Однако логика общественного развития такова, что постепенно из общей массы выделилась группа более сильных, умных и циничных людей, способных оценить профессиональное, то есть

подчиненное определенным целям использование символов, созданных языческим искусством. В природе людской психики лежит одна интересная особенность: все, что является порождением Бога, люди непременно сделают орудием дьявола, и искусство стараниями идеологической верхушки перестало быть самодостаточным, в него проникло рацио, подгоняющее экстаз самоотречения под надуманные стандарты. Это стало началом конца. Символ, созданный неистребимой людской потребностью в иллюзии, стал служить прикладным задачам, а само искусство из высшей способности человеческой психики – воссоздания тех черт бытия, которых она лишена в реальности, превратилась в инструмент тиражирования трафаретов поведения, или, в лучшем случае, бесстрастный механизм, профессионально портретирующий действительность.

– Но ведь были в истории человечества периоды, когда искусство создавало шедевры...

– Я понял, о чем вы хотите сказать, – прервал Артур Натали. – Я вовсе не утверждаю, что единственный по-настоящему ценный этап в истории – это заря человечества. Видите ли, здесь мы все попадаем в ловушку пошлой сказочки о том, что прогресс – это движение к какой-то цели и, следовательно, каждый предыдущий этап истории качественно хуже и несовершеннее последующего. Можете мне поверить, для Господа Бога одинаково ценен и троглодит с дубиной в руках, и средневековый рыцарь, и компьютерный гений Пентагона, потому, что все эти люди в процессе творческого познания мира в любое время решают одни и те же задачи: что такое любовь, смерть, долг, как разрешить противоречия между личностью и обществом и так далее. Духовная история цивилизации движется по кругу и мудрецы всех времен озабочены одними и теми же проблемами, которые поэтому и называются вечными. Рецепты каждого отдельно взятого исторического периода будут уникальными хотя бы потому, что угол зрения, под которым мы рассматриваем мир, неизбежно изменяется, но если считать, что с течением времени мы становимся мудрее, то придется признать, что современный человек знает о мире больше, чем Соломон или Эйнштейн. Прогресс количества неравнозначен прогрессу качества, и имея в своем распоряжении суперсовременные приборы, мы только нащупываем проблемы, которые успешно разрешили индийские мудрецы несколько веков назад.

Однако мы немного отвлеклись на общие закономерности, давайте «вернемся к нашим баранам». Искусство – это тот универсальный язык, с помощью которого историческая эпоха может поведать грядущим поколениям о своих духовных открытиях и прозрениях. И для того чтобы в истории возник период, особо

урожайный на шедевры, нужны определенные внешние условия. Что объединяет, скажем, античность, эпоху Возрождения...ну, и эпоху Просвещения? Античность являет собой классический пример языческой культуры с ее многобожием, идеализацией достижений человеческого духа, слиянием духовного и физического начал и так далее. Это время, когда великолепным было все: государственное устройство, философия, литература, архитектура и, самое главное, отношение к тому, кто все это создавал – к человеку. Конечно, в космос они не летали, и вообще, в их жизненном укладе, с позиции современного человека, можно найти достаточно много неприятных черт, но что мы видим далее? Все периоды взлета человеческого гения как один берут на вооружение идеологию античности. Всякий раз, когда культура, одряхлевшая под бременем догм, канонов и запретов утрачивает понимание той высшей цели, ради реализации которой она родилась, наступает кризис. Люди, примеряя на себя внекультурную божественную сущность идеи, в любви начинают видеть пошлость, в трагизме – позерство именно тогда, когда идея становится инструментом, институтом идеологии, используемым для навязывания определенного взгляда на жизнь. И единственный реальный выход из кризиса, который способна найти культура – это возврат к язычеству, понимающему искусство как « сложный инстинкт, построенный на интуитивном понимании вечных ценностей, смысл которого в преодолении границ, поставленных человеку физической реальностью». Величие человеческого духа как мера всех вещей в эпоху Возрождения, отказ от условностей морали в эпоху Просвещения, да что там далеко ходить – открытая пропаганда чувственности в эпоху джаза и рок-н-ролла, все это – различные проявления идеологии язычества, составляющей основу нашей психики и как спасательный круг приходящей на помощь цивилизации в тот критический момент, когда она начинает задыхаться в тисках выдуманных ею самой искусственных трафаретов.

– К сожалению, наше эфирное время подходит к концу, – кинув быстрый взгляд в сторону режиссерской кабины, сказала Натали. – Я хочу поблагодарить вас от имени телезрителей за интересный разговор и...пока у нас есть пара минут, может быть вы хотите как-то подытожить свои рассуждения? Лично мне, уже просто так, чисто по-человечески интересно: когда вы включаете радио или телевизор и слышите то, чему внимает простой рядовой обыватель, вам не кажется, что все, что вы делаете – напрасно, и что после вашего ухода со сцены все тихо и мирно утонет в этом болоте, из которого вы нас так самоотверженно вытаскиваете?

– Ну что ж, если мой монолог можно квалифицировать как интересный разговор, то я охотно принимаю благодарность телезрителей, – снова не удержался Артур. – Не обижайтесь, видите ли, когда мне начинают приписывать какие-то мессианские цели, я чисто инстинктивно показываю зубы. Не нравится мне это, да и несправедливо по отношению ко многим моим коллегам, которые может быть и не смогут так цветисто и выпендренно порассуждать, но дело свое делают искренне и честно. А за вопрос, если отбросить его последнюю часть, спасибо, кстати, вы вообще очень благотворно воздействуете на мои мысли своим молчанием, у меня даже возникла идея сделать с вами цикл передач, но это мы еще обсудим, а сейчас...пара минут у меня еще есть? – Натали, уловив краешком глаз фигуру режиссера, всеми мыслимыми и немыслимыми способами выражающего свой восторг и одобрение, удовлетворенно кивнула.

– Знаете, Натали, – очень медленно, подыскивая выражения, начал Карелин, – сейчас как-то стало признаком хорошего тона обличать массовую культуру, сетовать на бездуховность, но... я наверное повторяюсь, если скажу, что так было всегда. Всегда существовала элитарная культура – искусство для немногих, которым небезразлично, для чего они родились и живут на этой планете, и искусство для всех остальных, необходимое для развлечения и заполнения досуга. У каждого времени свой язык и только на первый, поверхностный взгляд кажется, что наша культура в представлении потомков будет выглядеть механистичной, тупо воспроизводящей примитивный мертвый ритм машинной цивилизации. Что есть искусство – определит история, нам этого знать не дано, но жить будут те произведения, которые автор так смог начинить своей творческой энергией, что они уже существуют отдельно от него и каждый, кто имел счастье соприкоснуться с ними, совершенно естественно находит в них свои собственные мысли и чувства. Такое творчество, и другое, рекламируемое в одном ряду с противозачаточными средствами и кормом для собак, будут существовать параллельно друг другу, но пока на земле живет хотя бы один человек, имеющий потребность изредка смотреть в звездное небо, искусству для души ничего не грозит. Нужно только в любом, самом маленьком произведении стараться ставить предельную, глобальную вневременную цель и помнить, что реальность, окружающая нас – это не больше и не меньше, чем только то, что мы все договорились считать реальностью, и помочь человеку провести ту грань, которая отделит реальный вымысел от выдуманной действительности, воссоздать идеальный мир, воображая который человек станет лучше и чище, может только такая простая и одновременно непостижимая вещь, как талант. Вот, наверное, и все...

Погасли красные огоньки телекамер, в студии раздался громовой голос режиссера, благодарящего всех за отлично сделанную работу. Мимо героев передачи засновали осветители и операторы, а Артур и Натали все еще оцепенело сидели в своих креслах, думая каждый о своем. Вряд ли кто-то успел не то что оценить, но и просто отреагировать на происходящее, и только режиссер, еще ничего не видя, но каким-то сверхчутьем матерого журналиста, почувствовавшего сенсацию, автоматически нажал на кнопку, и вновь включенные камеры бездушно зафиксировали Натали Бенуа, почему-то опустившуюся на пол рядом с креслом и положившую голову на колени сидевшего напротив человека, и Артура Карелина, с изумлением смотрящего на собственную руку, глядящую волосы Женщины.....

Глава 2

Предвижу недоумение читателей, ожидавших, наверное, с первых же страниц моего повествования окунуться в события, героем которых будет какая-то особая личность, обладающая сверхъестественными возможностями и чертами характера, и получившего взамен этого описание вполне заурядного в своей обыденности диалога может быть и неординарных, но все-таки абсолютно земных в своих поступках и чувствах людей. Разумеется, при слове «сверхчеловек» наше воображение, воспитанное на мифах и вестернах, рисует образ высокого, патологически красивого супермена с особым голосом, взглядом, походкой, настолько выделяющегося из общей массы, что иначе как сверхчеловеком его назвать и невозможно. Увы, реальность всегда более прозаична, нежели мечты, и этот неувыдаемый образ, на который хотели бы походить все мужчины и которым желали бы обладать все женщины, в действительности мало чем отличался от нас с вами. Нет, с внешностью у Артура Карелина был полный порядок: он был высок, великолепно сложен и лицо его, хотя и не совсем вписывающееся в каноны красоты, излучало такую энергию обаяния, которая позволяла ему считаться одним из красивейших мужчин планеты. Однако никаких молний во взоре, испепеляющих нехороших людей, никаких бугристых мускулов, справиться с которыми не смог бы и танк, у него не было. Конечно, особый шарм сценической сексапильности большого художника позволял предположить его некоторую исключительность, но для доказательства сверхчеловеческих возможностей этого все-таки маловато. И тем не менее, Артур Карелин принадлежал к живущей среди нас расе людей, коим судьба, по странной своей прихоти, подарила способность

проникать в самую суть вещей, свободную от всяких домыслов и предположений. Итак, что же все-таки отличает сверхчеловека от обычного рядового мещанина?

Прежде всего, в жизни каждого типичного сверхчеловека есть период, о котором ничего не известно биографам, и на вопрос: чем он занимался с такого-то по такое-то время, сверхчеловек отвечает общими фразами, подслащенными особой мечтательной улыбкой. Невозможно рассказать нам, считающим свой образ жизни единственно возможным, о прекрасной поре ученичества, когда, совершив еще неосознанно поступок, оказавшийся пропуском в иную реальность и получив посвящение в эту реальность от великого мудреца, сверхчеловек начинает жить откровением великой тайны, дающей беспредельные возможности. Кто-то уходит в цивилизацию животных и растений и постигает тяжелую науку общения без слов. Кто-то идет в горы, где цивилизация «снежных людей» дает ему навыки управления стихиями. Кто-то опускается в глубины океана, получая неведомые ранее энергетические возможности от обитателей водной цивилизации. А кто-то совмещает все три пути, и тогда на Земле появляется титан, совершенный в своем единении с природой, для которого уже не существует нереального.

И тогда начинается та часть жизни сверхчеловека, связанная с его возвращением к людям, которую смело можно назвать подвигом. Как гиганту найти свое место среди карликов? Как, не возбуждая нездорового любопытства обывателя к своей персоне, приоткрыть ему ту завесу, которая скрывает нечто, очень нужное человеческому уму? Ведь не для кого не секрет, что общение с крокодилами и акулами намного безопаснее соседства с людьми, одержимыми невинным желанием выяснить: отчего это у такого же двуногого и одноголового, как и они, вдруг возникла потребность задуматься над смыслом жизни, да еще и поделиться своими открытиями? И не обязательно быть особо одаренным эрудитом для того, чтобы уяснить себе последствия подобного интереса к «белой вороне». Финал один – кресты, костры, пули, яд, психиатрические лечебницы... да, приходится признать, что прожив долгую, не всегда красивую жизнь, и, как ему кажется, чему-то научившись, в самых главных вопросах человечество продолжает совершать одни и те же ошибки, которые правильнее было бы назвать преступлениями. Конечно, у читателя неизбежно возникнет вопрос: а для чего же тогда сверхчеловеку его абсолютное могущество и в чем это могущество предметно выражается, если оно не в состоянии оградить его от прихоти злобных недоумков? А задумывались ли вы когда-нибудь над тем, что слова «победа» и «поражение» в нашем понимании несут несколько иной смысл, нежели это демонстрируется нам

окружающим миром? Разве может считаться проигравшим лист подорожника, съеденный животным? Он выполнил свое предназначение и ушел из нашего поля зрения для реализации иной, может быть гораздо более высокой миссии. Сверхчеловек не боится смерти, ибо бывают ситуации, когда смерть является величайшей победой над обывательской серостью и для него в этом вопросе все гораздо яснее и понятнее, чем для нас с вами. Когда побеждает политика, неизбежно проигрывает нравственность, и цена за жизнь, предлагаемая сверхчеловеку его противниками, вряд ли достойна той моральной смерти, которую несет за собой предательство высших законов естества, стоящих над людскими законами. Можете не сомневаться – у сверхчеловека достаточно сил для того, чтобы растереть в порошок биомассу, обитающую в городах, или перевернуть наш шарик, даже не находя на нем точки опоры, но и в минуту самой страшной опасности у него не возникает и тени мысли о том, что можно пустить в ход эту силу, так как он, в отличие от нас, знает: нельзя уничтожить то, что создано не тобой. Вряд ли когда-нибудь нам удастся понять и прочувствовать эту тайну перехода из нашего мира в иной, близкий и родной сверхчеловеку своим совершенством, которой он живет, принимая мученическую смерть. А простой автоматический перенос логики совершения поступков банковского клерка, одержимого желанием стать президентом правления, или танцовщицы, выбивающейся в солистки, на деяния титана, стержень характера которого состоит из особого сплава знания, веры и мужества – занятие бесполезное, оно возвышает первых, но не вносит ясности в стиль жизни второго, поэтому давайте оставим отвлеченные абстрактные рассуждения и перейдем к конкретной личности, тем более, что именно для поиска ответов на эти сложные, неоднозначные вопросы я и взвалил на свои плечи тяжесть повествования о жизненном пути сверхчеловека.

Итак, Артур Карелин, пройдя все, уже упомянутые мной круги восторгов и разочарований ученичества, вернулся к людям и оказался перед дилеммой, решаемой каждым сверхчеловеком: какой путь избрать для выполнения той миссии, которая была возложена на него судьбой, выведшей его на эту дорогу? Философия показалась ему пустым жонглированием давно известными истинами, лишенным практического применения; занимаясь наукой, колосс, которому открыты все тайны бытия, потратил бы слишком много времени на борьбу с невежественными оппонентами; политика, при всей реальности ее власти была слишком нечистоплотным делом... оставалось искусство, способное посредством особой, неконтролируемой энергии затронуть невидимые струны, сыгравшие

для каждого человека ту, понятную только ему одному мелодию, услышав которую он...ну, тут уже любая фантазия бессильна. Была здесь, впрочем, и еще одна, немного эгоистичная причина. Дело в том, что любой проблемой человек может заниматься с удовольствием и полной отдачей только до тех пор, пока она держит в напряжении поиска все его естество без остатка, пока она способна предлагать неожиданные и непривычные ракурсы, с позиции которых можно, рассматривая мир, удивляться ему. И искусство, с его вечной неспособностью достичь полного и конечного идеала, давало такую возможность даже искушенному в тайнах природы великому мудрецу, предохраняя его от хандры обыденности.

Упорные занятия техникой вокала и актерского мастерства, проникновения в тайны режиссуры сделали Артура титаном и в этой области. Оперная и эстрадная сцены, кинематограф, драматический театр и рок-опера, покорившись ему, дали возможность общения с современниками на простом и понятном для всех языке, а литература стала своеобразной отдушиной, посредством которой он, говоря от лица выдуманных персонажей, смог приоткрыть некоторые черты своей сверхчеловеческой сущности. Не все было так просто и легко, как казалось в начале. Для творца, привыкшего к размеренной, полной высокого смысла жизни, темпы шоу-бизнеса оказались слишком жесткими, а отношения – откровенно циничными. Надоедливое обожание поклонников и хамские окрики критики, бесцеремонно указывающей, что тебе нужно делать и как, назойливое внимание прессы, выискивающей темные пятна в биографии, уравнивающие тебя с толпой, и еще много более мелких мерзостей были способны свести с ума человека, предпочитающего тихо и мирно, без оглядки на кого бы то ни было, наслаждаться любимым делом. И перед Артуром в полный рост встала проблема поиска оболочки, которая поможет ему выжить в атмосфере всеобщего поклонения.

Это был, пожалуй, самый великий подвиг, совершенный сверхчеловеком. Любому из нас знакомо чувство обреченной незащищенности в момент, когда та часть нашей души, сохраняющая зерно человеческого, еще не до конца задушенного социумом, которую мы старательно прячем даже от близких друзей, оказывается у всех на виду. Но с другой стороны, логика профессии артиста состоит в том, чтобы донести свои мысли до как можно большего числа людей, максимально расширить аудиторию, то есть в определенной степени идти у нее на поводу, а общество, основным развлечением которого является не разбор творческих достижений, а смакование интимных подробностей жизни известного человека, весьма мстительно относится к сокрытию таковых некоторыми своими кумирами.

Обычный творец в подобном случае прибегает, мягко говоря, к некоторой полуправде, он придумывает себе так называемый имидж, некоторыми своими чертами роднящий его с простым обывателем. Но здесь речь идет о сверхчеловеке, и можете себе представить сложность задачи, которую пришлось решать Артуру, особенно если учесть, что сверхчеловек способен стать таковым только в том случае, если каждый его поступок, даже самый мелкий и незначительный, не будет противоречить законам Космоса, также непохожих на человеческие представления о жизни, как непохоже чистое горное озеро на загаженный промышленными отходами городской пруд. Титан не может себе позволить лгать даже в мелочах, малейшая измена Истине карается творческим бесплодием, и в отличии от просто артиста или просто художника, играющего в изобретенную им легенду, сверхчеловек, придумавший себе порок, сближающий его с современниками, обязан жить этим пороком всерьез, памятуя о том, что по изначальному смыслу Бытия человеческий грех является таким же действенным средством эволюции души, как и безусловная добродетель. Мысль о том, что оценка любого поступка зависит от угла, под которым будет рассматривать этот поступок посторонний наблюдатель, о том, что истинность наших падений и взлетов не может достоверно определяться в границах того физического мира, в котором мы имеем честь существовать, ибо он является только малой частью силы, сотворившей его и заложившей даже в наших недостатках могучий стимул для достижения идеала, который необходимо только увидеть и понять, слила в его сознании сверхчеловеческое с человеческим. И хотя, как оказалось, стать сверхчеловеком гораздо легче, чем, переборов все искушения красивой упаковки страстей и соединив в реальной жизни полное отрешение от того, что принято называть «земными помыслами» с горячим и заинтересованным участием в них, остаться им, Артур сумел разглядеть в извращениях нашего мира те естественные и прекрасные побуждения, которыми, вероятно, и руководствовался Бог, создавая его.

Однако здесь его ожидал такой удар, предсказать который не мог даже его тренированный и, казалось, готовый к любым неожиданностям мозг. Разрешив неразрешимое, приняв условия среды обитания и поначалу ощущавший себя вполне комфортно в новой оболочке, сверхчеловек внезапно почувствовал, что, относясь в глубине души с некоторым высокомерием к людским страстям и потребностям, он упускает нечто такое, что придает этому способу существования неповторимый шарм и обаяние, недоступные его прежней жизни. Случайность, этот вечный спасательный круг ищущего, дала ответ на вопрос уже тогда, когда Артур, измученный напряженными поисками

эфемерного сгустка счастья, такого естественного для простых людей и почему-то ускользающего от его совершенного ума, уже расписался в собственном бессилии раскрыть тайну. Весна и глаза юной девушки, спешащей на свидание, сказали ему все, что он хотел знать и, как выразился бы поэт, сверхчеловек, которому все подчинялось в этом мире, остановился и безвольно опустил на колени перед давно забытой им в непрерывных баталиях с самим собой потребностью любить и быть любимым. До победы было еще очень далеко, ведь подчинить себе сущность какого-либо явления сверхчеловек может только пропустив ее через себя, а природа любви такова, что, окунувшись в нее, самый искушенный профессионал неизбежно становится дилетантом.

Желтая пресса радостно шелестела своими бумажками – бесчисленные романы Карелина следовали один за другим. Манекенщицы, актрисы, официантки, домохозяйки подобно фигуркам калейдоскопа составляли причудливые комбинации, однако главный узор так и не был сложен. Впервые сверхчеловек столкнулся с задачей, решение которой зависело не от него, и, мрачный и подавленный собственным бессилием, воочию убедившись в том, что в этом мире мудрость и сила на одном этапе вполне могут обернуться глупостью и беспомощностью на другом, собрался искать любовь в иных мирах. Та степень свободы в распоряжении собственной судьбой, которой сверхчеловек достиг постоянным самосовершенствованием, позволяла ему лично определять сроки и условия своей жизни и Артур, посчитавший, что уже отдал людям все, что должен был отдать, настроился на обратную дорогу.

Нужно вам сказать, уважаемый читатель, что та часть жизни сверхчеловека, которая доступна вниманию средств массовой информации, также непохожа на скрываемую им от посторонних глаз, как крона дерева отлична от своего корневища. И вряд ли кто-нибудь мог даже предположить, что для напряженно и плодотворно работающего артиста основным делом был контроль механизмов политической и экономической жизни планеты. Во все времена обыватель, свято уверенный в собственной осведомленности о людях, решающих его судьбу, пребывает в блаженном неведении относительно существования тонкой прослойки интеллектуалов, незримо влияющих на принятие судьбоносных решений всеми нашими президентами, финансовыми магнатами и патриархами религии. Власть и возможности людей, более независимых от тщеславия и жажды обогащения, чем официальные государственные мужи, огромны, но и это содружество «серых кардиналов», в свою очередь, не подозревает о наличии силы, зорко следящей за всеми их помыслами и

побуждениями. Я думаю, внимательный читатель уже догадался о том, что выразителем, так сказать материальным воплощением этого контролирующего органа, отслеживающего ход напряженной, никогда не прекращающейся борьбы между извечной людской потребностью переделать мир по собственному разумению и высшей, так никем до конца и не понятой целесообразностью Природы, был Артур Карелин. И по странной логике случая наше внимание оказалось прикованным к нему именно в тот момент, когда сверхчеловек, потерпевший поражение в попытках понять и приручить любовь и твердо решивший уйти с земной арены, занялся сотворением своего последнего шедевра в той сфере, где ему не было равных.

О существовании мудреца, незаметно, но решительно и определенно влияющего на политические события последних лет, Артур знал уже давно. Понимая, что наступит день, когда их пути неизбежно пересекутся, он внимательно следил за титаническим трудом человека, одержимого идеей изменить жизнь людей и подчинить ее благородной цели создания счастливой и гармоничной цивилизации. Верный негласному закону вмешательства в людские дела только на том этапе, когда остается последний шаг до события, приводящего к гибели или порабощению нетленной части человеческого «Я», принадлежащей не самому человеку, а силе, его сотворившей, Карелин наблюдал за вполне предсказуемой деградацией гения, не сумевшего, как, впрочем, и большинство его предшественников, найти ту золотую середину между глобальной гуманной задачей и рутинными каждодневными действиями, ведущими к желанному призу, которая позволит ему удержаться от совершения поступков, допускающих хотя бы косвенное насилие над высшими законами естества. Великий замысел губят мелочи, понять и принять эту истину способны немногие и Магистр, как называл себя человек, истово верящий в святость своей цели и искренне считавший методы ее достижения единственно правильными, был несказанно раздражен вмешательством в свои дела незримого противника, внимание которого он с некоторых пор стал ощущать. Разумеется, Магистр не мог и предположить, что ему противостоит существо, к поступкам которого следует подходить с совсем иными критериями, нежели те, которыми он привык мерить жизнь, и достигнув, как он считал, небывалого могущества, гениальный человек решил открыто померяться силами со сверхчеловеком, тем более что его план переустройства цивилизации находился в завершающей фазе и иметь в подобной ситуации за спиной соперника, не уступающего ему ни в интеллекте, ни в изобретательности было, по меньшей мере, неразумно.

Разработав хитроумную комбинацию, в которой, по его мнению, не было слабых мест, Магистр немедленно начал приводить ее в исполнение. Но у жизни свои причудливые изгибы и даже Магистру не дано было предположить, что таинственный незнакомец, мысли о котором, точно заноза, не давали ему покоя, забросив все дела, сидел в это время в своем роскошном кабинете и вцепившись руками в волосы, зачарованно смотрел на лежавшую перед ним фотографию. Натали Бенуа...Счастливы тот из нас, кому никогда в жизни не приходилось решать этой страшной дилеммы между долгом и чувством, предначертанностью и свободой выбора именно в тот момент, когда изменить что-либо уже невозможно.

Поначалу все шло просто прекрасно и Артур, увлеченный решением последней задачи, постепенно даже начал забывать о своих «любовных трагедиях». С таким противником как этот Магистр было приятно иметь дело! Человек, у которого хватило ума и таланта воплотить в технике идею полного контроля и управления психикой, на последнем этапе разработки прибора якобы случайно подставляется спецслужбам и продолжает работу уже под их «колпаком». Разумеется, ни одного государственного чиновника не посетило сомнение относительно его истинных целей, и Артур уже предвкушал свое участие в красивой и многосложной интриге, в финале которой он, убив сразу всех зайцев, сможет эффектно закончить свое земное существование. Но увы, судьба, эта синеглазая кокетка, как бы мстя сверхчеловеку за пренебрежение диктуемыми ее особой законами, в тайну которых Карелин упрямо не хотел проникать, полагая, что зная все наперед, жить будет совсем не интересно, подставила ему ножку на казалось бы абсолютно ровном месте. Натали Бенуа...Долгожданный подарок нарождающегося чувства объективно был совсем не ко времени, и сейчас Артур, уставившись на фотографию и свирепо терзая пальцами ни в чем не повинный карандаш, уже не мог думать ни о Магистре, ни о предстоящей операции.

«...Я ее здесь ни за какие коврижки не оставляю... Ха, не оставишь! Кто тебя будет спрашивать? И времени совсем нет, механизм уже включен, я просто не успею ее подготовить. Не привык я доверять женскому уму, но тут ничего не поделаешь. Она умница и хорошо меня чувствует, будем надеяться, сообразит, что к чему... В конце концов у меня всегда есть возможность вернуться, да и ...нет, это было бы слишком жестоко – подразнить мечтой и тут же ее отобрать. Ладно, ввяжемся в бой, а там видно будет. Люблю, когда нет выбора, сразу все как-то становится на свои места...»

Он встал с кресла и принялся бесцельно бродить по кабинету, то улыбаясь, то хмурясь, то корча забавные рожицы невидимому собеседнику. Потом внезапно остановился у стола, видимо придя к какому-то решению, пошелестел лежавшими на нем бумагами, взял одну, и, приняв ораторскую позу, явно кого-то передразнивая, изрек, обращаясь к воображаемой аудитории:

– Совсем я что-то, знаете ли, расклеился, господа. Она сама во всем разберется, а я со своими возможностями и обязанностями, черт бы их побрал, вмешиваться в судьбу человека просто не имею права. И не лезьте ко мне со своими дурацкими советами. Если бы вы имели хотя бы малейшее представление о том, что мастер моего ранга, хе-хе, в интересах любого другого человека волен сделать все, что только придет в его гениальную башку, но в своих личных эгоистических целях не имеет права даже пошевелить пальцем, не говоря уже о том, чтобы повлиять на ход жизни любимой женщины, вы бы заглохли со своими соболезнованиями и только молча дивились бы моему мужеству.

Он даже всхлипнул от жалости к самому себе, вытер несуществующую слезу и, резко опустившись в кресло и закрыв глаза, пробормотал: «Вот так превратишь трагедию в фарс и жить легче становится».

А через минуту в человеке, выходящем из кабинета, уже никто не смог бы узнать легкого, искрящегося обаянием душку Карелина. Работа началась.

Глава 3

Ведущий эксперт специальной комиссии конгресса США Роберт Смит с отвращением смотрел на лежавшую перед ним на столе кипу газет. Газеты были разные: толстые и тонкие, столичные и провинциальные, разноязычные, но всех их роднил материал, помещенный на первой полосе. Крупный шрифт, красная краска, одни заголовки чего стоили: «Колпак над разумом», «Нас хотят превратить в роботов», «Убийство воли»...

«Представляю, что сейчас творится на телевидении... И чем убедительнее мы отпираемся, тем меньше нам верят. Дожили – журналисты толкутся в секретной лаборатории как на какой-нибудь светской вечеринке и ехидничают над Пентагоном, разучившимся охранять свои секреты. И докажи им теперь, что мы добрые Санта-Клаусы, радеющие о благе нации. Черт возьми, когда советуешь

Президенту внимательнее отнестись к последствиям такого дела, он отмахивается от тебя, как от поганого москита, а провалилась операция – с милой улыбкой вешает эту дохлятину на своего лучшего друга. Я ведь такой умный, сквозь стены вижу, на Солнце без скафандра летаю, мне навести порядок на этой помойке – пара пустяков, а сам, наверное, уже некролог заготовил».

Он раздраженно закурил.

«Чья разведка постаралась? И какой смысл было выливать эти помои на нашу голову? Стащили чертежи прибора, дающего полный контроль над психикой любого человека, да еще попутно прихватили компромат на правительство не самой последней в этом мире страны! Это же операция века! Сидите себе тихо и радуйтесь, с такими козырями время и место для эффективного удара обязательно найдется, так нет же... Нет, здесь вообще ничего не стыкуется. Запросто отдать такие материалы ради дешевых воплей публики – это какой-то киношный ход. Сценарий для Голливуда. Политический кризис – здорово, ничего не скажешь, но платить за него такую цену...на это ни одна спецслужба не пойдет, я их логику знаю, тут что-то...господи, да как я это сразу не понял? Это какая-нибудь шайка моралистов – пацифистов, поборников эры всеобщего милосердия, это вполне в их духе... Но как им удалось провести такую операцию, нигде до этого не засветившись? Тут нужны классные специалисты, голыми лозунгами сверхсекретный объект не возьмешь. Орать на митингах и составлять дурацкие петиции – это одно, а так чисто переиграть наших умников...может оккультная секта, масоны? Эти парни давно уже прекратили поиски философского камня и занимаются булыжниками потверже и поувесистее... Нет, так я ничего не раскопаю, слишком много сил, которым это в принципе может быть выгодно, и слишком мало информации для того, чтобы понять их логику. Ну а если представить как можно точнее технику этой операции...»

Смит пододвинул к себе рапорт инспектора службы безопасности и внимательно его перечитал.

«...Ушли копии чертежей прибора и резолюция Президента о субсидировании и правительственном контроле проекта... Сами оригиналы не вынесешь – слишком большая кипа макулатуры, да и кому они нужны, хватит качественных копий. Талантливый парень, ведь если покопаться, то он оставил уйму косвенных улик, а зацепиться все равно не за что... Этот якобы главный конструктор, которого Магистр нам подставил вместо себя, конечно дока в своем деле, но здесь несет какую-то чушь. Утром проснулся, подошел к зеркалу, почувствовал мягкий, явно не физический толчок в область

переносицы, и больше ничего не помнит. После введения в гипнотическое состояние рассказал, что какой-то человек, вышедший из зеркала, дал ему специальный миниатюрный фотоаппарат и велел сфотографировать всю документацию. Процедура досмотра шефа проекта не такая жесткая, как всех остальных, поэтому ему удалось выполнить «просьбу» незнакомца. Очнулся дома и тут же позвонил в службу безопасности. Мистика! А через день вышли газеты с фотографиями и подробным описанием прибора, и к мистике это уже не имеет никакого отношения. Дьявол, и надо же было Магистру связаться с таким олухом? Как будто я не смог бы обеспечить его инкогнито и без этого... Нет, все верно, выходит это у Магистра, а не у меня хватило ума предусмотреть даже такую нелепую ситуацию, когда...ага, а может этот таинственный гений – сам Магистр, ведь коды энергетических экранов, защищавших от внешнего воздействия мозг всех сотрудников, работавших над проектом, были известны только мне, ему и гипнотизеру, который их ставил. Гипнотизер уже давно на том свете и весь его архив сейчас проверяется, я отпадаю само собой, а вот Магистр...нет, мне точно пора в психушку, а то я и не до такого додумаюсь...»

Самым противным во всей этой истории было то, что Смит, с самого начала работы над прибором почти наверняка был уверен, что добром это не кончится. Все было логично, слишком логично, и только маленький червячок интуиции опытного профессионала посылал в его мозг непрерывные сигналы о каком-то элементе неестественности, надуманности ситуации. Спецслужбы выходят на человека, в одиночку занятого разработкой оружия, способного управлять мыслительной деятельностью любого индивидуума. Он, как будто только этого и ждал, соглашается продолжить работу под контролем спецслужб, для чего создается специальная закрытая комиссия при конгрессе, возглавить которую поручили Смицу. Чиновники, курирующие проект, уже присматривали для себя новые шикарные кабинеты, и только Роберт, снедаемый неясным предчувствием надвигающейся беды, метался в поисках прояснения этого неуловимого ощущения дисбаланса. Нашел его он только в тот момент, когда встретился с Магистром лично. Даже те струйки небывалой, нечеловеческой мощи природы этого монстра, которые просачивались сквозь ширму обаяния и доброжелательности, внушали ужас. Человек такого калибра просто не мог играть по чужим правилам, если только они не были частью его плана, и Смит прочно утвердился в мысли о том, что Магистр просто использует возможности их комиссии в каких-то своих, далеко идущих целях, проникновение в тайну которых небезопасно даже для него, личного друга Президента. Интуитивно Роберт чувствовал, что

страшный партнер прекрасно осведомлен обо всех его подозрениях, и то, что Магистр вместо того, чтобы заблокировать и вывести его из игры, а это было ему вполне по силам, учитывая безграничное влияние на Президента, которое он приобрел в последнее время, спокойно позволяет ему работать дальше, нервировало еще больше. Согласитесь, неприятно осознавать свое непонимание логики противника, но еще тревожнее ощущать свою неспособность просчитать логику союзника.

Все попытки прекратить работу над проектом встречали бешеное сопротивление Президента, и Смит волей-неволей был вынужден продолжать эту странную и малопонятную игру. Напряженное ожидание катастрофы, которая наконец-то внесет ясность в ситуацию, окончилось в ту минуту, когда он увидел эти газеты с чертежами прибора, но и теперь ему пришлось признать, что, придя к долгожданному финишу, он был также далек от прозрения, как и вначале пути. При любом раскладе положение дел требовало решительных действий и сейчас, опасливо перебрав все мыслимые и немыслимые версии, Смит все-таки нашел в себе смелость остановиться на той, вокруг которой уже долгое время бешено крутились его мысли.

Выход был только один, и Роберт с ненавистью посмотрел на телефонный аппарат. Решиться без какой-либо серьезной подстраховки на откровенный разговор с Магистром было сложным делом и все же, несмело нажимая на кнопки телефона, Смит испытывал одновременно ужас существа, утратившего вдруг инстинкт самосохранения и вполне естественное удовлетворение аналитика, которого судьба за шиворот волочет к разгадке тайны, долгое время не дававшейся в руки. И ожидания не обманули его.

– Добрый день, Роберт, я ждал вашего звонка, – произнес мягкий голос после первого же сигнала.

– Здравствуйте, Магистр, – немного севшим от волнения и табака голосом ответил Смит.

– Можете не рассказывать о наших проблемах, я уже все знаю и почти уверен, что смогу вам помочь...

Доброжелательность в голосе Магистра была сплавлена с металлом примерно в равных пропорциях.

«Оперативно действует, – подумал Смит и решил немного польстить опасному союзнику:

– Я просмотрел все варианты и понял, что без вашей помощи мне не справиться. Мы имеем дело со сверхъестественным, а здесь наш

хваленый аппарат бессилён, хотя, разумеется, мы делаем все возможное.

– Задача не так уж сложна, конечно для человека, обладающего определенными навыками, – барственная снисходительность Магистра внушала почтение и одновременно раздражала. – Любой поступок, даже мысль, получает соответствующее отражение в тонких эмоциональных слоях нашего мира, и расшифровать эту информацию – дело техники. Я знаю, кто этот человек, и готов отдать его вам, но попрошу кое-что сделать взамен.

«Началось», – подумал Роберт, опускаясь в кресло, и окончательно севшим голосом сказал:

– По правде говоря, я был бы просто счастлив, если бы вы отдали этого человека не мне, а Президенту и попросили бы его лично заняться этим вопросом, но, как я понимаю, в моем положении выбирать не приходится, поэтому я вас внимательно слушаю.

– А вы молодец, – рассмеялся Магистр. – Искренность должна вознаграждаться, тем более что я давно за вами наблюдаю и имею на вас определенные виды, поэтому буду откровенен. Вы – профессионал и прекрасно понимаете, что в нынешней ситуации Президенту и его команде конец. Отставка – дело ближайших дней. Этот таинственный гений, преследующий какие-то свои цели, сам того не подозревая, сыграл на моей стороне. Вам очень хотелось узнать, что я замышляю на самом деле, соглашаясь на совместную с государством работу над прибором? Видите ли, дорогой друг, я принадлежу к определенной категории людей, для которых то, что является откровением для всех остальных – уже пройденный этап. Этот прибор – бездарный примитив, способный решать только локальные задачи, к моим целям имеющие лишь косвенное отношение...

– Я вас понял, Магистр, – радость озарения талантливого человека, наконец-то разгадавшего мучившую его загадку, все же перевесила ту чашу весов, на которой лежало возмущение циничностью этого дьявольского плана. Да и, честно говоря, характер профессии Смита не предполагал какого бы то ни было устойчивого внимания к почти уже атрофировавшимся мукам совести, – прибор однозначно античеловечен, и, приняв участие в его разработке, наше тупое правительство повязало себя преступлением перед цивилизацией, которым его очень легко можно шантажировать...

– Да, мне пришлось только слегка засветиться перед спецслужбами, как они тут же набросились на эту простенькую наживку, – отозвался Магистр. – Вы были единственным человеком,

который что-то заподозрил, а у остальных тщеславие и отсутствие принципов отбили всякую охоту добраться до сути. Честно говоря, я придумал для них более щадящий финал, чем этот гений-одиночка, но увы...все случилось так, как случилось. Ладно, бог с ними, давайте лучше поговорим о ваших перспективах. В ближайшее время произойдет управляемая мной смена верхушки госаппарата, достойных людей я уже подобрал, а лично вам я намерен предложить очень солидный пост с неограниченными полномочиями, соответствующий вашему уму и опыту.

– Магистр, мне очень лестно ваше предложение, но..., – попытался прервать своего собеседника Смит, но Магистр властно продолжил:

– Я прекрасно понимаю все ваши сомнения, у вас просто нет времени для того, чтобы реально просчитать ситуацию, иначе бы вы поняли, что блефовать мне нет никакого смысла. Уничтожить вас я мог бы и раньше, и посудите сами, разве стал бы я делать вам все эти предложения по телефону, не будучи стопроцентно уверенным в том, что расшифровка нашего разговора ляжет только на мой стол? Кроме того, разрешите мне также сказать, что оставаясь в прежней компании вы, выполняя служебный долг, обязаны будете выйти на человека, рассекретившего прибор, и попытаться его нейтрализовать безо всякой моей поддержки, а это гарантирует вам похоронный оркестр, салют и место на лучшем кладбище нашей благословенной столицы, поскольку вы даже приблизительно не можете представить себе масштабы личности этого мастера. Простите мне, дорогой друг, такой тон, – доля бархата в голосе Магистра снова поползла вверх, – но счет сейчас идет на секунды, и оттого, насколько быстро вы сориентируетесь, зависит исход моей комбинации и ваше будущее...

Артур выключил магнитофон и с довольным видом, даже слегка пританцовывая, прошелся по кабинету.

«А ты начал терять квалификацию, видимо сказывается отсутствие достойных противников. Стоило немного поиграть по твоим правилам, и ты расслабился, начал пускать мыльные пузыри. Что ж, придется брать на себя еще и педагогическую миссию и внушать зарвавшемуся отличнику чужую мысль о том, что всех умных людей губит самоуверенность, и лучше уж десять раз перестраховаться, чем один раз недооценить соперника. Композитор ты хоть куда, и партитуру расписал мастерски, вот только не учел, что у таких солистов как я, есть склонность к импровизации. Смит очень неплох и дожал ты его профессионально, но начинать первую часть произведения не с главной, а с побочной партии – это же противоречит самым элементарным законам музыкальной формы. А я очень не хочу, чтобы

премьеру твоей симфонии освистали, так что прими уж мою скромную, бесплатную помощь...»

Артур подошел к роялю и, не присаживаясь, наиграл одной рукой приятную мелодию.

«Что-то подобное, по твоему гениальному замыслу мне должен будет пропеть Смит, но я почему-то уверен, что ничего, кроме фальшивого кукареканья, от него не услышу».

Он сел за рояль и громыхнул резким диссонирующим аккордом. Сверхчеловек довольно часто занимался моделированием реальных жизненных ситуаций с помощью музыки, пытаясь найти наиболее благозвучный вариант разрешения земных коллизий. И сейчас он терзал инструмент до тех пор, пока ему не удалось выстроить красиво звучащую гармоническую цепочку, завершившуюся величественным аккордом.

«Вот так, или почти так все должно закончиться!»

Артур резко крутанулся на винтовом табурете, вскочил и, включив магнитофон на перемотку ленты, пропел заключительную фразу знаменитого рахманиновского романса: «...Я жду-у-у тебя!»

Глава 4

Роберт Смит докуривал вторую сигарету, сидя в кресле, стоявшем посередине богато обставленной гостиной карелинского особняка. Прошло уже целых двадцать минут с того момента, как слуга, проводивший его сюда и сказавший, что хозяин знает о его визите и сейчас появится, вышел, а Карелина все еще не было. Разумеется, поведение сверхчеловека, конечно же не ожидавшего, что его так быстро вычислят и по логике ситуации обязанного встретить Смита на пороге, не вписывалось ни в какие рамки, но как вы сами понимаете, судьба в последнее время совсем не баловала Роберта противниками, которым можно было бы диктовать свой взгляд на вещи, и он уже научился относиться к подобным проблемам по-философски, не подгоняя события. Конечно, еще пару дней назад Смит, оказавшись в подобном положении, был бы весьма далек от того состояния спокойной уверенности, которое непробиваемым панцирем защищало его от происков маленького зверька первобытной осторожности, все еще продолжавшего трепыхаться в его мозгу, распространяя вокруг нестерпимое зловоние страха. Но человек, наверное, все-таки самое гибкое существо и Смит, неожиданно даже для самого себя, сумел

очень быстро приспособиться к новым обстоятельствам, еще вчера казавшимся нереальными.

Перейдя Рубикон разговора с Магистром, Роберт спокойно пускал кольца дыма в сторону огромного зеркала, украшавшего стену, лицом к которой его усадили, прекрасно зная о том, что никакое это не зеркало, а только тонированное под него стекло, укрывшись за которым его сейчас рассматривает сверхчеловек. Это состояние радостного предвкушения предстоящей схватки ни в коей мере не было следствием недооценки могущества противника, оно ничем не напоминало безумную отвагу фанатика, гибнущего за идею, или наглую самоуверенность параноика, стремящегося достичь цели любыми средствами, даже ценой собственной жизни. Нет, Смит прекрасно осознавал всю опасность своего участия в реализации плана Магистра, каким бы продуманным он ни казался, однако, по-видимому, в его жизни наступил тот переломный момент, который неизбежен в судьбе любого незаурядного человека, играющего в опасные игры, когда интрига, в которой он участвует, так захватывает его, что за возможность дойти до конца и насладиться красивым и неожиданным финалом, он не колеблясь готов отдать то, что для него имеет самую высшую цену.

Неистребим в нас этот азарт игры; ставки разные и зависят они от масштаба личности игрока: кто-то ставит на чувства, кто-то – на деньги, кто-то на власть, а кто-то – на соседскую курицу, но ощущения, переживаемые игроком в этот момент испытания собственной возможности шагнуть за черту, которую ты проводишь для себя сам, одинаковы для всех. И сейчас Роберт каждой клеточкой своего тела, вибрирующего в сладком ожидании, чувствовал эту, неизвестную ему прежде ирреальность состояния чудака-альпиниста, бросающего уютный комфорт цивилизации ради покорения вершины, уже десятки раз покоренной его предшественниками, или чудака-филателиста, отыскавшего редкую марку, которой уже владеют те, кто может себе позволить ее просто купить.

– Добрый день, Роберт, наконец-то я вас дождался, – услышал он голос, звучавший всюду, так, что невозможно было определить место, где находилось существо, издававшее этот звук. Псевдозеркало отодвинулось в сторону и из глубокой ниши в стене вышел сверхчеловек.

Артур остановился в нескольких шагах от Смита и, с усмешкой глядя на него сверху вниз, сказал:

– Представляю, каким гением вы сейчас себя чувствуете – поведение сверхчеловека просчитал и даже место, где он прячется, сумел точно определить...

Карелин щелкнул пальцами, и зеркало снова вернулось в прежнее положение, закрыв собой нишу.

Роберт попытался встать, прекрасно зная о невыгодности положения сидящего человека, вынужденного визуально чувствовать себя маленьким и ущемленным по сравнению с противником, стоящим на ногах, но Артур брезгливо махнул рукой, одновременно останавливая движение Смита и как бы говоря самому себе: господи, и с таким недоумком мне придется иметь дело! – и опустился на стоявший вплотную к стене диван. Смит, оказавшись в одиночестве посреди огромной гостиной, почувствовал себя беспомощной инфузорией, извивающейся на столе микроскопа. Вдобавок ко всему Карелин, точно рассчитавший даже такие мелочи, как положение своего визави во время разговора, расположился немного сбоку, и Роберту при общении волей-неволей приходилось либо скашивать глаза, либо поворачивать к противнику голову, что также создавало дополнительные неудобства.

– Вы можете пересесть поближе ко мне, – продолжал ехидничать Артур, давая понять, что ни одна мысль Смита не является для него тайной, – только вряд ли это вам что-нибудь даст.

Он хищно метнул свое тело к Роберту и, повернув его вместе с креслом к себе, сказал:

– Надеюсь, вы уже поняли, что разговор пойдет совсем не в том русле, которое так талантливо проложил для вас Магистр. Не стоит утруждать себя озвучиванием его предложений, у меня было достаточно времени для того, чтобы ознакомиться с ними и оценить их неординарность.

Смит смотрел в лицо знаменитому артисту, на котором, однако, отсутствовала его «фирменная» улыбка, в его глаза, обычно светлые, но сейчас казавшиеся почти черными, и медленно возвращался в реальность. План Магистра теперь уже казался ему миражом, примитивной и нелепой сказкой, над которой откровенно издевался умный и жестокий противник.

– Видите ли, дорогой друг, – передразнил Артур интонацию Магистра, – ваш великолепный босс настолько увлекся своей хитроумной комбинацией, что просто перестал реально представлять себе соотношение сил. Он прекрасно осведомлен о моих возможностях, и вместо того, чтобы насторожиться гладкостью продвижения вперед, успокоился, наверное решив, что достаточно силен для того, чтобы посадить меня на короткий поводок. А между тем, все то время, когда я милостливо позволял ему себя вычислить, он исправно кушал хорошо приготовленную дезинформацию, и теперь я ему гарантирую такое несварение желудка, которое отправит его на тот свет.

Роберт быстро отвел взгляд от физиономии Карелина, стараясь как можно глубже спрятать от него то ощущение твердой почвы под

ногами, смутные блики которого зарябили в его глазах. Этот самоуверенный нахал, самозабвенно упивающийся своим превосходством, не замечал, что совершает те же ошибки, в которых только что упрекал Магистра, а значит бой еще не проигран и ситуацию вполне можно будет повернуть в свою пользу.

А Артур, словно не замечая перемены настроения Смита, продолжал глумиться над Магистром:

– Простите, дорогой друг, мне этот тон, против вас лично я ничего не имею, но Магистр в этой истории меня просто разочаровал. Задумал он все неплохо, но почему-то забыл об одном из главных законов эволюционирования любой энергии: всякое действие рождает противодействие, и при появлении идеи, работающей на уничтожение, в противовес ей рождается идея, работающая на созидание. Магистр заиклился на интриге и упустил из виду тот факт, что все мудрецы, использующие свои знания в антиэволюционном направлении и потакающие тем самым своим уголовным наклонностям, заканчивают очень плохо. Те силы, которые представляю здесь я, имеют перед лицом Природы некоторые преимущества хотя бы только потому, что предполагают в процессе развития свободный выбор. Ваш же шеф никакой альтернативы даже мне, сверхчеловеку, не оставляет, поэтому он метафизически обречен на неуспех, даже при частичных удачах на начальном этапе.

– Начинаются старые байки о победе добра над злом, причем каждый автоматически считает добром именно себя, – усмехнулся Роберт, все еще не веря в правильность своих предположений.

– Это почти ваша мысль потому, что она не слишком оригинальна, – снова начал хамить Карелин. – Конечно, люди всегда будут жонглировать понятиями добра и зла, ведь приоритет добра изначально заложен в нашем мозге и каждому хочется быть победителем. Но есть один существенный нюанс – закон нашего мира, который люди уже открыли и нарекли эффектом Эдипа, гласящий: познание закономерности подразумевает возможность материального овеществления того явления, которое предсказывает эта закономерность. То есть мысль, появившаяся в нашем мозге, автоматически включает механизм собственной реализации на материальном уровне. Однако сначала идея отпечатывается в тонких духовных слоях планеты, где для разделения понятий Добра и Зла существуют гораздо более объективные критерии, чем у нас, и только потом проецируются на наш мир, имея уже абсолютно точно определенный положительный или отрицательный заряд.

– Вы так убедительно говорите об этом, что я уже почти поверил, – огрызнулся Смит. – Только тогда непонятно, почему же наш мир так, мягко говоря, несовершенен, если Добро, которое вы здесь представляете, получает все преимущества? В ваших снобистских рассуждениях нет ни капли реализма, вы просто самовлюбленный конъюнктурщик, которому нравится унижать окружающих своей хваленой гениальностью.

Конечно, это был опасный ход, но Смит не терпелось проверить правильность своей догадки.

– Браво Роберт, вы, оказывается, азартный спорщик, к тому же умеющий абстрактно мыслить, – снова уколол Смита Артур, продолжавший не замечать, или делать вид, что не замечает его ухищрений. – Здесь я с вами согласен, жизнь показывает, что в реальном мире Зло торжествует над Добром. И происходит это потому, что для постижения Добра нужно много и упорно работать, а люди слишком ленивы и поэтому неосознанно предпочитают Зло, которое дает им конкретные, весьма понятные и приятные рецепты для достижения заветной цели. Что такое «возлюби ближнего своего»? Над этим же нужно думать! А для того, чтобы быстро стать богатым или знаменитым нужно всего лишь украсть или оболгать более удачливого соперника. И механизм этого дела четко отработан, и приз на финише очень обаятельно выглядит. Чего тут думать? Делать надо! А потом забежал в церковь, получил отпущение грехов и дело в шляпе – грехи дальше. А у некоторых еще существует такая форма покаяния, как ночные раздумья о том, что в общем то он плохой, но вот с завтрашнего дня непременно постарается стать хорошим. И на душе легко и спокойно становится, ведь глоток свежего воздуха через форточку – это так романтично! Но я утешаю себя тем, что наша реальность – это только часть огромного мира, который, к счастью, устроен несколько иначе.

– Ну, это все бесплодное философствование, – свержчеловек проглотил крючок, и Роберт, придя в отличное расположение духа, продолжал разогревать его до нужной кондиции. – Давайте факты или приходите завтра.

– Да, я сейчас брошу все дела и кинусь добывать для вас факты, – рассмеялся Артур, откровенно любуясь своим отражением в зеркале. – Если бы мы имели бесспорные для нашего разума доказательства существования мира, в котором дух Добра правит телом Зла, а не наоборот, все люди давно были бы праведниками и святыми и нам с вами отдавили бы ноги в очереди к райским воротам. В том то и весь фокус – для того, чтобы заслужить пропуск в ту сферу, которую я

считаю более прекрасной, чем наша, человек должен сделать осознанный, я еще раз повторяю осознанный выбор в пользу того, чему он никогда не получит материальных доказательств. Этот пропуск называется Верой в высшую награду, которую ты, однако, можешь никогда и не получить, если недостаточно трудился и совершал опять-таки осознанные ошибки. Конечно, гораздо проще скользить по проторенной колее, продуваемой легким бризом денег, чем горбатиться, прокладывая свою дорогу на невспаханной целине под плевками мокрого ветра, но я и мне подобные для того и живем среди людей, чтобы в нужное время оказаться рядом и помочь сделать выбор. Избравших мой путь единицы, и я делаю все, чтобы поддержать их в той, ни на чем не основанной вере в высшую справедливость гармонии, которой живу сам, остальные же пусть существуют в этой корявой умирающей цивилизации и получают то, что заслужили своей Верой.

– У вас замечательный стиль, я сейчас просто расплачусь, – начал резвиться Смит, уже твердо уверенный в том, что разгадал комбинацию Карелина и все-таки удивляясь, как этому, далеко не глупому человеку, могла прийти в голову мысль склонить его на свою сторону слюнвявыми библейскими рассуждениями. – Но с чего вы взяли, что цивилизация умирает? Кое-какие проблемы конечно есть, но когда их не было? Мне, по крайней мере, о конце света ничего не докладывали...

– Ну вот я сейчас и доложу, – в тон Роберту ответил, усмехаясь чему-то своему, Артур. – Естественный прирост населения, особенно в развивающихся странах, приведет к тому, что количество биологических особей, называющих себя людьми, в ближайшие десять-пятнадцать лет удвоится, а возможности экономики таковы, что она просто не сможет прокормить эту ораву, не смотря на дешевизну рабочей силы. Увеличение добычи тепловой энергии нереально, уже сейчас мы безнадежно погубили свою экологию и задыхаемся от отходов производства. Ядерная энергетика приносит больше вреда, чем пользы, солнечная находится в зачаточном состоянии, а кормить обитателей Земли как-то надо. Кроме того, устойчивые изменения в атмосфере планеты, уже вышедшие из-под нашего контроля, приводят к обострению парникового эффекта, тают льды, повышается уровень Мирового океана, и скоро все мы окажемся под водой, повторив судьбу цивилизации Ноя.

Но даже если мы сейчас, ценой невероятных усилий что-нибудь изменим с этой стороны, беда подойдет с другой. Глупая Природа изобрела для нас примитивный закон естественного отбора, с помощью которого вносила разумные коррективы в численность

населения планеты посредством болезней. Но нет такой вершины, которую не смог бы покорить человеческий разум! Давайте попробуем прививать эти болезни организму в микродозах, он приспособится к вирусу и обретет иммунитет! А понять, что при борьбе организма и вируса мутирует и тот и другой, причем вирус получает бесплатную питательную среду для саморазвития, а организм гробится на генетическом уровне, у нас ну просто времени не хватило, ведь надо же было покричать на всех перекрестках о своих успехах. И вдруг ни с того ни с сего изо всех щелей полезли всякие аллергии, СПИДы и эта дикая чума, при которой у человека их пор кожи начинает сочиться кровь и он умирает в страшных мучениях.

Генофонд безнадежно испорчен, мужская сперма теряет способность к оплодотворению из-за потребления синтетических продуктов, и уже никакие усилия науки не смогут остановить регресс биологического вида. Социальные проблемы – тоже не сахар. Чем стремительнее естественный прирост населения, тем меньше шансов у не очень расторопных людей получить работу, обеспечивающую нормальный прожиточный минимум. А у безработного и голодного есть несколько магистральных путей для физического и морального выживания: тоталитарный режим – тривиальное рабство с гарантированным куском хлеба, фашиствующая религия, дающая идеологическую почву для выплеска злобы и отчаяния, или наркомафия. И если учесть, что в руки этих ребят с неустойчивой психикой рано или поздно попадет ядерная бомба или какой-нибудь прибор, аналогичный тому, который вы разрабатывали, конец себе представить нетрудно. Как говорят у меня на родине: «Хоть сову об пенек, хоть пеньком сову, все равно сове не воскресать». Вам еще требуются доказательства?

– Боже меня упаси чего-то у вас требовать... Но ведь вы, как ярый поборник добра, не сможете безучастно смотреть как мы, такие глупые и несовершенные, гибнем? Вы дадите нам шанс выйти на «прямую дорогу»? – уже откровенно издевался Смит, мстя за унижение, испытанное им в начале разговора.

– Нет, ласковый мой, – благодущие Карелина, казалось, не имело предела, – вмешиваться в ход естественного эволюционирования как одного человека, так и всего сообщества в целом не позволено даже мне. К тому же у цивилизации тоже есть своя молодость, зрелость и старость, и как человеку пока не дано отыскать молодильные яблочки или сыворотку юности, так никакому герою невозможно остановить процесс старения и разложения общества, который, увы, предопределен объективной закономерностью развития.

Казалось что Артуру, наконец-то нашедшему собеседника для разговора о наболевшем, уже не было никакого дела ни до Магистра, ни до его темных дел.

– Первым признаком одряхления цивилизации, ведущего к смерти, является усложнение ее общественных институтов. Вы только посмотрите на это обилие министерств, комиссий, комитетов и общественных организаций. Причем все они самодостаточны, им не нужно общение с себе подобными, они настолько разрослись и усложнились, что будут вечно загружены работой, решая только свои внутренние проблемы. Индивидуум тоже ограничил свой круг общения телевизором и компьютером, некоторые, правда, еще способны отдавать часть душевного тепла близким людям, но это исчезающие экземпляры, скоро их можно будет заносить в «Красную книгу». Общество в целом не нуждается в контактах с остальным миром, мы не производим никакой энергии для окружающей среды, работаем только на себя и стали совершенно закрытой системой, отчего безнадежно устарели. Вы же знакомы с физикой и знаете, что любое, замкнутое на самом себе сообщество, не получая информации извне и не отдавая излишки выработанной в процессе жизнедеятельности энергии окружающей среде, начинает усложняться внутри себя, костенеет и гибнет от элементарного нарушения энергетического баланса между самой системой и внешней средой. Так что все закономерно, и я ничего не смогу для вас, таких глупых и несовершенных, сделать.

И резко наклонившись к уху Смита, Карелин еле слышно прошептал:

– Ну все, Спиноза, игры закончились...

В комнате, подчиняясь какому-то невидимому для Роберта сигналу, раздался грохот их с Магистром голосов, ведущих уже известную читателю телефонную беседу. Усиленный мощными стереодинамиками звук в сочетании с едва слышным шепотом сверхчеловека создавал ощущение, что могучая волна первобытного звериного страха, освобожденная от оков лакированного самолюбования, затопит черепную коробку и, взорвав ее изнутри, выплеснется в пространство. Огромное зеркало, лицом к которому сидел Смит, каким-то чудом превратилось в киноэкран и перед глазами Роберта, наплывая на него, замелькали кадры видеосъемки: Смит с Магистром в лаборатории, Магистр разговаривает с Президентом, Смит показывает Магистру и Президенту четко снятые чертежи злополучного прибора...

Прием был примитивно прост, однако сработал, как всегда, безукоризненно. Психика человека, из полного душевного комфорта ощущения собственной неуязвимости мгновенно брошенного в ледяную воду смертельной опасности, становится пластилиновой, и Артур продолжал давить, сознательно ускоряя ритм этого кошмара:

– Думайте быстрее, у вас очень мало времени. Как только эти материалы попадут к журналистам, вы станете персоной нон-грата и для Магистра и для Президента, и они не задумываясь повесят на вас всех собак, чтобы самим хоть немного отмыться. Вы же прекрасно знаете, что Магистр контролирует наш разговор, это было частью его плана, он уже все понял и если бы не моя энергетическая защита... у вас нет желания исповедаться?

– Прекратите это... я сейчас вас убью, – завизжал Смит, пытаюсь вскочить, но, получив сильный толчок в грудь, едва не опрокинулся назад вместе с креслом.

В комнате наступила тишина.

– Что, неприятно, когда к вам применяют ваши же методы? – сумрачно спросил Артур, с жалостью глядя на лежавшие в кресле развалины Смита. Он опустился на одно колено рядом с креслом, поднял подбородок Роберта и, глядя в его затравленные глаза, быстро и четко, как бы вколачивая в мозг слова, сказал:

– Эту часть нашей беседы я закрою от Магистра, потому что она имеет непосредственное отношение к его персоне. Вы в состоянии слушать и соображать?

Смит медленно кивнул.

– Ваша жизнь мне не нужна, более того вы, вероятно, родились под счастливой звездой и я готов дать вам шанс выйти из этой гнусной ситуации, сорвав неплохой куш. Завтра, слушайте меня внимательно, завтра наступит день, когда я себя добровольно, а Магистра принудительно, но незаметно для него, лишу всех тех качеств, которые делают нас сверхлюдьми. С минуты на минуту Магистр появится здесь, и после нашей беседы у него, для того чтобы выжить, будет единственный выход – моя ликвидация. Вас он использует как исполнителя, и вы после моего устранения, как слишком опасный свидетель тоже недолго проживете, вы своего шефа хорошо знаете.

Смит снова кивнул, встревожено глядя в глаза Карелина.

– Понимаю, хрен редьки не слаще, – отозвался сверхчеловек, – так вот, вы будете действовать в рамках его плана, но после моей смерти, когда останетесь один на один с Магистром, ваша жизнь будет зависеть

только от умения быстро и точно стрелять; помните, что тогда перед вами будет обычный человек, лишенный всех своих сверхъестественных возможностей. А чтобы Магистр не смог рассекретить вас сегодня, я введу в ваш мозг несколько иной вариант этой части нашего разговора, который полностью его устроит. Сейчас проникнуть в логику моих побуждений не пытайтесь, это вам только повредит, все поймете в свое время. Помните главное – завтра вам предоставится уникальная возможность решить земную судьбу двух существ, имеющих сверхчеловеческие возможности, и стать спасителем цивилизации...

Запланированная часть разговора окончилась, и Артур с тревогой ожидал реакции Смита, с трудом выходящего из протрации. Роберт вряд ли осознавал, что он делает, как и зачем, и в другое время, в другом месте ему наверняка было бы неприятно увидеть со стороны одного сильного человека, сотрясаемого рыданиями на груди у другого сильного человека. А Карелин, занятый спасательными работами, глядя прижатую к своему плечу голову Смита и успокоительно бормоча: «ничего, дружище, все будет нормально», не заметил, как на пороге гостиной, неслышно прикрыв за собой входную дверь, появился Магистр.

Глава 5

Человеку, уже столько времени служившему незримой пружиной, приводившей в действие сюжет этого рассказа и теперь, наконец-то, появившемуся на его страницах лично, на вид было около пятидесяти лет. Среднего роста, немного склонный к полноте Магистр, при общении с нормальными людьми гасивший все незаурядные черты своей натуры и обычно выглядевший таким банальным дядюшкой Поджером, сейчас, когда надобность в маскировке отпала и любое, даже мелкое несоответствие внутреннего внешнему могло принести вред, предстал перед Карелиным во всей своей красе. Исчезла подчеркнутая мешковатость и несобранность, каждый мускул тела, измученного многолетним притворством, налился ощущением мудрости и значительности души, обитавшей в нем. Черные, затягивающие собеседника глаза, выплеснув приторную мусть умиротворенности, загорелись настоящей силой.

Остановившись в нескольких шагах от Карелина, Магистр молча ожидал, когда тот закончит свою возню со Смитом. А Артуру, казалось, не было никакого дела до визитера. Коротко бросив: «Извините,

Магистр, у вашего соратника время плановых процедур...», он хлопотал вокруг Роберта, бережно расстегивая верхнюю пуговицу его рубашки, похлопывая по щекам, и только подкурив и сунув ему в рот крепчайшую сигару, сверхчеловек выпрямился и вопросительно уставился на Магистра. И Магистр, будто бы не замечая демонстративно пренебрежительного приема, прошествовал те несколько шагов, что отделяли его от Карелина и, став на правое колено, поцеловал руку сверхчеловека.

– А вы знакомы с ритуалом, – задумчиво разглядывая Магистра сверху, произнес Артур. – Стало быть в свое время проходили посвящение или, по меньшей мере, были близки к этому.

– Не надо блефовать, господин Карелин. Я же не Смит, – Магистр легко поднялся и, не дожидаясь приглашения, сел на диван, который только что покинул для завершения разговора со Смитом сверхчеловек.

– Я прекрасно знаю, что в моей биографии вы ориентируетесь лучше меня самого, так что не надо... Конечно, я заслужил такое отношение к себе, но неужели вам так трудно представить, что и у других людей тоже иногда появляется потребность признать свои ошибки. Мне нужна ваша помощь, совет и...

– Как мягко вы стелете, старина, – прервал его Артур, усаживаясь на другой конец дивана, – ладно, доставайте свой камень из-за пазухи, так я и поверил, что вы неожиданно впали в девственное состояние души, когда человек еще способен каяться в ошибках и испрашивать совета. Я ведь знаю, что на самом деле он вам нужен как страусу выхлопная труба. Не переигрывайте, я же не Смит, переходите прямо к делу.

Роберт, уже наполовину пришедший в себя, а при упоминании своей фамилии сверхчеловеком окончательно вытряхнувший из головы последние капли мерзкой тяжести, не дававшей нормально соображать, с удовольствием затянулся сигарой и злорадно посмотрел на начавшего багроветь Магистра. Увы, такова людская природа – мало кто из нас откажет себе в удовольствии понаблюдать со стороны за унижением человека, оказавшимся не по зубам тебе самому.

– Я вижу, что своими действиями так настроил вас против себя, что вы не хотите дать мне шанс исправить то, что я по своей самонадеянности наворотил.

Магистр помолчал.

– Ладно, в конце концов я сам виноват, простите, что отнял ваше время...

Он встал с дивана и медленно, всем телом показывая, что ожидает реплики Карелина, пошел к двери.

– Не изображайте обиженную добродетель, – Артур просто купался в блаженстве ситуации. – Вы бы никогда не пришли сюда, если бы хоть на шестьдесят процентов не просчитали возможности договориться со мной. Этот спектакль просто не может закончиться съезжившейся спиной, вы режиссер не того уровня. Садитесь, я подыграю вам и с упоением выслушаю басню о том, как вы хотели облагодетельствовать человечество...

Магистр с довольной улыбкой вернулся на старое место и, садясь на диван, дружески хлопнул Карелина по плечу.

– Да, Артур, вы не представляете себе, как я сейчас жалею о том, что в свое время у меня не хватило духу пройти по вашей дороге до конца. Теоретически, конечно, приятно чувствовать себя обязанным всеми своими знаниями только самому себе, но практически, когда встречаешь такого профессора как вы, чувствуешь себя сопливым дошколенком.

– Для того чтобы я вам окончательно поверил, посыпьте голову пеплом от смитовской сигары, – расхохотался Карелин. – Сразу начинать с фальшивой ноты с вашей то квалификацией...

– Все от смущения мэтр, от смущения, – в тон Артуру ответил Магистр.

Роберт, во все глаза смотревший на этих людей, которые, по его представлениям, должны были с первых же минут встречи вцепиться друг другу в горло, но вместо этого, искренне смеясь, несли какую-то чушь, понял, что настоящая борьба ведется на каком-то другом, недоступном ему уровне и начал вжиматься в кресло, сожалея о том, что так рано вышел из полуобморочного состояния, которым завершился его поединок со сверхчеловеком.

– Видите ли, дорогой друг, – Магистр уже настолько освоился, что позволил себе вальяжно раскинуться на диване, – после того, что вы сделали со мной и моими людьми, – он брезгливо глянул в сторону Смита, – было бы просто самоубийством продолжать попытки подмять вас под себя. Поразмыслив, я пришел к выводу, что, не твякая друг на друга по мелочам, а занимаясь одним общим делом, мы сможем добиться гораздо большего, чем поодиночке. Можете поверить, мое самолюбие не будет страдать оттого, что я нахожусь в подчинении у профессионала, который сильнее меня по всем позициям. Конечно, я прекрасно понимаю, что вы и без меня хорошо устроились, но хотя бы

из любопытства послушайте аргументы игрока, который очень нуждается в вас.

– Ну пока что, сказочник вы мой, Шарль Перро нашего времени, ваши аргументы напоминают мне эпизод из моей любимой сказки про волка и семерых козлят. Ваш тоненький голосок почему-то не вяжется с клыками, ну да ладно, закроем на это глаза. Сдавайте карты, игрок, посмотрим какие у вас козыри, только умоляю, не увлекайтесь творчеством, не забывайте, что в конце сказки мама-коза все-таки вспорола волку брюхо своими рогами.

Артур потрогал череп, как бы проверяя наличие упомянутого оружия, на что Магистр так же шутливо заметил:

– Не бойтесь, Натали пока ведет себя примерно и никаких пантов у вас не намечается...

– Не наглейте, Магистр, – изобразил гнев Карелин, – а не то вызову вас на дуэль.

Наблюдать за поединком мастеров самого высокого класса в любом виде единоборств неискушенному зрителю неинтересно, ибо такой бой, когда все решает один пропущенный удар, не предполагает зрелищности. Смит был крепким профессионалом и сейчас, уже окончательно придя в себя, волей-неволей следил за беседой Карелина и Магистра, пытаясь проникнуть в иной, тайный смысл слов, которыми они, дурачась, стегали друг друга. Почувствовав на себе хватку обоих противников и ни к кому из них не питая особой симпатии, Роберт, в котором проснулся азартный игрок, чисто интуитивно отдавал предпочтительные шансы на победу Карелину, сожалея о том, что истинная картина борьбы скрыта от него флером ничего на первый взгляд не значащих шутливых выпадов. А между тем Магистр начал брать инициативу в свои руки:

– Вы только что говорили Смиту о том, что цивилизация скатывается в пропасть и сила инерции такова, что остановить это движение уже невозможно и даже вы, с вашими способностями, можете только немного замедлить скорость падения. Но я хочу предложить вам взглянуть на этот вопрос немного с другой стороны и, вполне вероятно, что ознакомившись с моими доводами, вы найдете способ решить эту проблему.

– Я слушаю вас, как зачарованный, – прощепетал Карелин, устраиваясь поудобнее на диване.

– Как вы любите говорить: «вернемся к истокам», – Магистр встал и начал расхаживать по гостиной.

- Государство – это машина, изначально задуманная и построенная, как и все механистичное, по принципу четко определенного, строго дозированного функционирования каждой ее части. Механизм этот собирается, все его ведущие блоки и шестеренки тщательно подгоняются и притираются друг к другу в соответствии с той идеей, которой проникнут его создатель. Мировое господство, светлое будущее, борьба с врагом – вот основные сверхидеи, на базе которых создается любое государство. И, подчеркну это еще раз – залог успеха в достижении цели этой супермашиной заключается в как можно более четком разграничении функций каждой ее части со строго определенной мерой ответственности за невыполнение своего предназначения. Кастовость, когда любому винтику-человеку условиями рождения, социального положения и так далее поставлен предел выхода за уровень его целесообразного функционирования – вот залог процветания государства. С позиций нашего сегодняшнего мировоззрения это ужасно, ведь столько веков лучшие умы бились за уничтожение сословных рамок, не предполагая, однако, что своими добрыми намерениями роют яму потомкам. Куда нас завела эволюция государства, в результате которой мы стоим на краю пропасти? Демократия предполагает множественность идеологий, дробящих сверхидею на мелкие куски, вместо того, чтобы питать и усиливать ее. Многообразие мнений – это очень хорошо, просто прекрасно, но только тогда, когда за каждым мнением стоит ответственность и конкретные дела, направленные на общее благо, а что имеем мы? Горлопанов-умников при демократии хватает, но правящая верхушка состоит из представителей различных финансово-промышленных группировок, каждая из которых тянет одеяло в свою сторону. Ни о какой сверхидее, объединяющей людей, при таком положении дел не может быть и речи, и каждый головастик с принципами прекрасно понимает, что пытаясь что-то изменить он, на самом деле, только выпускает пар, поддерживая в собственных глазах свою значимость, а реальные дела творят совсем другие люди, озабоченные не слишком возвышенными интересами. Другое дело – кастовое общество. В кастовости, при всех ее негативных чертах, заложен один позитивный момент, а именно: общество разделено на несколько идеологически и экономически независимых друг от друга ячеек, каждая со своим жизненным укладом, традициями, уровнем мышления, которые способны, конфликтуя друг с другом, взаимно обогащаться – ведь многообразие сил, имеющих реальный вес и возможность влиять на конечную цель государства, создает гораздо более многоцветный узор, чем один, непонятно на что ориентированный класс нынешней так называемой демократии. Чем больше в обществе социальных групп, антагонистичных друг другу не

по каким-то нафантазированным убеждениям и амбициям, а по самому укладу жизни, чем острее их конфликт, тем дольше будет длиться инерция движения государства, импульс которому дала сверхидея, ради осуществления которой государство и создается.

– То есть, если я вас правильно понял, – прервал Магистра Артур, с интересом слушавший его явно подготовленную заранее речь, – вы полагаете, что чем значительнее сверхидея, создающая общегосударственную идеологию и чем изолированнее друг от друга общественные слои, структурированные по иерархическому принципу, и механистичнее общественные институты, тем дольше такое государство будет существовать? А все наши беды от того и возникли, что сверхидея вообще отсутствует, так как псевдоравнозначных сил слишком много и их иерархия не установлена, что и ведет к разбалансированию государственной машины?

– Я знаю, вы сейчас скажете мне, что вечного двигателя еще не изобрели, и как бы ни был велик начальный импульс, физическое тело, в нашем случае – государственная машина, повинуюсь сопротивлению внешней среды, когда-нибудь все равно остановит свое движение...

– Ну, насчет вечного двигателя вы не правы. Закон резонанса – вот наш вечный двигатель. Посмотрите на Вселенную – чем вам не вечный двигатель, созданный первоначальным импульсом неведомого творца, который сумел настолько гениально рассчитать частоты взаимного резонирования всех его составляющих, что целое стало самостоятельной системой, подпитываемой продукцией собственной жизнедеятельности. Да, человек – это не бог, но, тем не менее, один мой приятель с помощью двух примитивных магазинных батареек сумел обеспечить функционирование огромного машиностроительного завода, который теоретически мог работать на этом мизерном источнике питания несколько столетий, и никакого волшебства в этом нет. Вокруг каждого физического тела существует энергетическая среда, называемая микролептонным полем, уравнивающая все виды энергии, которую способен произвести физический объект. При разбалансированности, неадекватности друг другу частот излучения они гасятся, взаимоуничтожаются вместо того, чтобы, резонируя в определенном порядке, отдавать излишки вырабатываемой энергии для поддержания жизнедеятельности всей системы, которая, при таком положении вещей, ни в каких дополнительных внешних энергетических источниках не нуждается. То есть речь идет о таком управлении инерцией движения природного объекта в сообществе себе подобных, при котором внешняя среда, резонирующая с энергетикой этого тела, не гасит движение по всем законам механики, а служит его

дополнительным источником, чего вы и пытаетесь добиться, создавая модель идеального государственного устройства. Не знаю как вам, а моему другу удалось составить шкалу резонирования разных частот, привести их к единому знаменателю, сделать их полностью управляемыми и замкнуть эту цепь энергетических взаимодействий, в которой все излишки энергии не уходят безвозвратно в пространство, а возвращаются к аккумулятору, этому первородному импульсу, от которого и питается система. Единственная проблема в таком «вечном двигателе» – это естественный физический износ механизмов, вырабатывающих энергию, но и она разрешается при помощи подключения к процессу энергообмена более совершенных энергий, имеющих не физическую, а, скажем, биологическую природу. Эволюционирование в этом и заключается – нужно не болтаться на одном энергетическом уровне, выжимая его досуха, как это делаем мы, а постепенно приходить к осознанию потенциальных возможностей биологических, а позже и духовных энергий, и подключать их к процессу сознательного направленного резонирования.

– Вот! – закричал Магистр, выбрасывая в сторону Карелина указательный палец и сверкая огромными черными глазами. – Вы наглядно изложили общий принцип, исходя из которого существование идеального государства все-таки возможно. Но Вселенную создал не человек и поэтому она вечна, а в нашу реальность постоянно вмешивается этот проклятый «человеческий фактор», разваливающий государственную «машину времени». Ни одному правителю – творцу сверхидеи не удалось избежать самодовольства и самоуспокоенности оттого, что созданная им машина на первых порах функционирует нормально; ни один создатель государственности не уберется от попыток приспособить высшую, самодостаточную внегосударственную цель для реализации своих эгоистических амбиций. Машина должна существовать сама по себе, для себя самой, имея целью только самосовершенствование, и не лезть туда, куда ей не положено. А как только она, повинувшись самоуверенному идиотизму своего творца, начинает брать на себя несвойственные природе ее первоначального замысла функции, в ее организме заводится крохотный червячок, со временем вырастающий в кровожадного монстра. Рыба гниет с головы, верхушка государства, свято уверенная в своей непогрешимой гениальности начинает разлагаться, теряя харизму. Государство еще способно поддержать на плаву наличие внешнего или внутреннего врага, на борьбу с которым оно мобилизует остатки сил, но это уже агония, предсмертные хрипы. Победит новая, более молодая и голодная, не успевшая реализоваться на практике идеология, антагонистичная по отношению к старой, но и для нее эта схема

расцвета и разложения будет также верна, как и для предыдущей. Я вас не очень утомил?

– Что вы! – отозвался Артур. – Пока в ваших рассуждениях есть хоть капля логики, я готов слушать вас бесконечно...

– Спасибо, вы очень любезны, – церемонно поклонился Магистр. – Однако от абстракции давайте перейдем к нашей, увы, реальной демократии. К сожалению период, закончившийся этим «торжеством индивидуальности» длится не сотню лет, как утверждают его историки, а много дольше, и начался он с всеобщего морального разложения, вызванного устойчивым влиянием на общественную жизнь религии. Как это ни парадоксально, но все беды демократии корнями уходят в христианство. Конечно, может быть я слишком субъективен, потому, что меня вообще раздражают любые спекуляции на высших ценностях, однако к другим религиям я отношусь более-менее терпимо, но то, что вытворяют апологеты христианства, меня просто бесит. Настолько извратить величайшие истины, что создание идеологии бездельников и бездарей, оправдывающих собственную посредственность смирением, на костях мученика, имевшего в виду совсем другое, выглядит очень даже логично и убедительно! Нужно вообще иметь большую наглость для того, чтобы толковать истины, переданные нам сыном Бога, в которых он ясно и четко изложил понятия о высшей сущности человека, да еще делать это столь же невнятно, сколь и агрессивно, подменяя живые и емкие образы беззубой абстракцией. Бог, рок, грех, смерть... Вот истоки нашей корявой демократии – всеобщее усреднение перед высшей силой талантливых и бездарных, ленивых и трудолюбивых! Греши и кайся, кайся и греши, и чем больше будешь каяться, тем вероятнее обретешь царство небесное, даже если в жизни не сделал ничего путного. Только на таком корявом фундаменте и мог подняться наш покосившийся сарай «общества равных возможностей». Я тут недавно познакомился с трудами одного потрясающего исследователя, открывшего страшную закономерность: чем талантливее человек, тем выше его продвигают по служебной лестнице, и это продвижение продолжается до тех пор, пока он не получает должность, при которой в силу тех или иных причин не сможет справиться со своими обязанностями. На ней он и остановится, так как оснований для его дальнейшего продвижения не будет и человек навеки застрянет на уровне, которому профессионально не сможет соответствовать. Это сколько же надо было трудиться, чтобы так все переставить с ног на голову! Сколько ни работай, система все равно сделает тебя некомпетентным! И со временем любым делом будет заниматься человек, не способный с ним справиться. Куда пойдет такое

общество тотальной некомпетентности? Цивилизация мутирует, превращаясь в один сплошной бюрократический нарост, для которого смысл любой работы заключается в обеспечивании собственного существования. В этой клоаке наличие таланта будет гораздо большим пороком, чем бездарность, ибо талант стремится к качественным, а не к количественным преобразованиям, составляющим сущность видимости работы бюрократии.

Магистр уже даже не кричал. В экстазе разоблачения он то взвизгивал где-то на границах ультразвука, то басово хрипел, проглатывая окончания слов. Трудно было понять, что это – точно рассчитанный ход или естественные эмоции увлеченного человека. Взгляд Смита метался от Карелина к Магистру и назад, но по поведению собеседников вычислить вероятный исход событий было невозможно. Магистр бегал по комнате, возбужденно жестикулируя руками и топая ногами, Артур расслабленно растекся по дивану и кивал головой, не скрывая высокомерной одобряюще-разрешающей улыбки, которая, по всей видимости, и заводила Магистра. Однако, уже немного знакомый с набором приемов, используемых обоими противниками, Роберт мог поручиться, что все внешние проявления их спора – это только маска, за которой скрывается его страшная и непонятная суть.

– Государство не может справиться с преступностью! Как вам это нравится? – укоризненно спрашивал Магистр Карелина, как будто именно сверхчеловек был основной причиной неудач правоохранительных органов.

– Что вы, мне это совсем не нравится, – отозвался Артур, шутливо отирая с лица несуществующую слюну, которой, якобы, обдал его в порыве праведного гнева Магистр.

– Слава богу, хоть вам это не нравится. Один союзник у меня уже есть, воистину не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Я, знаете ли, недавно гостил в одной маленькой дальневосточной стране – знакомился с их опытом борьбы с организованной преступностью. Так вот, эти ребята все сделали просто: дали боссам мафии полгода на то, чтобы они все свои капиталы перевели в легальный бизнес и отказались от прежних источников дохода, а тех, кто проигнорировал это предложение – отстреляли как бешеных собак. Ведь можно, если захотеть! Я изучил этот вопрос вдоль и поперек и могу утверждать со всей ответственностью: никакой борьбы государства с мафией в наших процветающих странах в реальности просто не существует, а те полуанекдотические способы, при помощи которых организованную преступность якобы пытаются держать под контролем – это косметические средства, маскирующие истинное положение вещей. На

самом деле давно уже сложилась интеллектуальная надстройка над этими двумя машинами, которая использует потенциал и государства и мафии в своих целях. Когда некто имеет возможность контролировать финансовые, репрессивные и законодательные структуры этих двух монстров, его власть становится беспредельной. В сущности, современное демократическое государство – это легальный вид преступности, и если такое государство и мафию поменять местами, в принципе ничего не изменится. Псевдосвобода демократии заменится жесточайшей дисциплиной, нарушение которой карается смертью и...

– Послушайте, Магистр, – прервал собеседника Артур, – если вы и дальше намерены торговать прошлогодним снегом, то я категорически против. Платона, Ницше, Лоуренса Питера и еще бог знает кого вы проработали на совесть, но сами то вы хоть на что-нибудь способны?

– Злобный вы, а еще сверхчеловек, – мгновенно меняя тон, парировал Магистр. – Если вам нравится издеваться над тем, что составляет единственный смысл моей жизни, можете не стесняться и продолжать дальше. Но я все-таки считал, что человек вашего ранга способен хотя бы с каплей уважения отнестись к заблуждениям обычного, хотя и возомнившего себя чем-то исключительным, наглеца...

– Bravo, Магистр, – три резких хлопка, которые, очевидно, были призваны изобразить аплодисменты, прозвучали как выстрелы. – Еще немного больше пафоса и пошловатого надрыва, и я пристрою вас в Голливуд на роли президентов каких-нибудь третьестепенных развивающихся стран.

Магистр театрально поклонился.

– Садитесь, свой кусок хлеба с повидлом вы уже заработали, дайте теперь мне поблистать, – Артур встал с дивана и, усадив на него Магистра, начал прогуливаться по комнате.

– Роберт, дружище, смените выражение лица, а то у вас глаза на пол выкатятся, – усмехнулся сверхчеловек, проходя мимо Смита. – Не обращайтесь на нас внимание, просто два бармалея решили поиграть в детский сад.

Он повернулся к Магистру.

– Я думаю, вы не станете возражать, если я скажу, что мой уровень актерского мастерства немного выше, чем ваш? Отлично, значит вы отдыхайте, наслаждайтесь заслуженным успехом, а я поработаю за двоих.

И Артур резко выбросил вперед правую руку и вытаращил глаза, очень точно копируя Магистра.

– Вкратце мой план переустройства мира выглядит так, – интонация была спародирована настолько безупречно, что Магистр заплодировал, – скомпрометировав верхние эшелоны власти крупнейших индустриальных держав примерно таким образом, как я проделал это в той стране, гражданином которой являюсь, я спровоцирую глобальный государственный кризис. Затем через своих людей, которых приведу к власти, я объединю все эти страны в гигантскую мегасистему с принципиально новым общественным устройством. Руководить объединенным государством будет Верховный совет, состоящий из ученых и деятелей культуры, для которых принципы гуманизма являются такими же естественными, как для бизнесмена – потребность зарабатывать деньги. Политики же будут составлять второй уровень системы, исполняющий решения Верховного совета, строго контролируемый им сверху, а общественными организациями и прессой – снизу. Общество разделится на сословия, для каждого из которых будет существовать свое минизаконодательство, так скажем «кодекс общины», регламентирующее уклад жизни. Высшие законы государства, объединяющие минизаконодательства, будут предельно ясными, не допускающими двойственного толкования, с точно определенной мерой ответственности за их неисполнение. Творчество в любой области поощряется, некомпетентность наказывается наравне со злонамеренным причинением вреда человеку. Для каждого нового поколения устанавливается регулярная управляемая смена идеологий, дающая ему иллюзию исключительной значимости для истории цивилизации именно этого временного периода, что будет стимулировать осознание ценностей любого творческого усилия, сделанного молодым человеком. Преступность я уничтожу самым жесточайшим образом...

– Простите, что перебиваю, коллега, – Карелин мгновенно преобразился и заговорил своим нормальным голосом, – но при всем уважении к вам дальше слушать этот бред я не могу. Даже если принять во внимание ваш недюжинный ум, фантастическую энергию и предположить, что вам все-таки удастся создать такую систему, существовать она будет только до тех пор, пока вы будете жить и поддерживать ее своим авторитетом. Самая совершенная государственная машина была создана много веков назад Ликургом, и сколько бы ни бились вы и вам подобные фантазеры, вы всегда будете двигаться по кругу от Спарты к Спарте, модернизируя, усложняя,

изменяя какие-то ее черты, но обязательно повторяя ее изощренную бесчеловечность. Однако общественный уклад, созданный Ликургом, существовал еще двести лет после его смерти, а ваше государство развалится через десять-пятнадцать лет, и все потому, что не является продуктом эволюционирования предыдущих моделей, хотя и заимствует у них лучшие, на ваш взгляд, черты. Теоретически вы все рассчитали правильно, но на практике ваша модель будет выглядеть неряшливо сляпанным глиняным горшком, который потечет сразу же, как только вы нальете в него воду. Как, черт вас подери, вы представляете себе соединение культур, антагонистичных по своей природе? Агрессивность исламского фундаментализма никогда не найдет общего языка со спокойной созерцательностью буддизма, если только они не объединятся для совместной борьбы с американской массовой культурой, подмявшей под себя Европу, но с ненавистью воспринимаемой на Востоке. Объединяя весь мир в мегасистему, вы потратите большую часть времени на борьбу с оборванными душманами, которые также как и вы, будут бороться за естественное право видеть мир таким, каким они его хотят видеть. Уничтожить инакомыслящие культуры можно, но как же тогда быть с вашими «приоритетами творчества личности»? Вы знаете, пока я вас слушал, у меня родилась идея снять фильм по вашим фантазиям, в котором фараон Рамзес, Фурье, Чингисхан, Макиавелли и еще несколько десятков государственных деятелей всех времен вплоть до Сталина мутируют, соединяясь в одного жуткого зверя, которого в финале пристрелит из рогатки сопливый деревенский пацан. Даже если вам и удастся реализовать свои бредовые идеи, ваша пагода рассыплется хотя бы потому, что, имея в крови даже каплю сыворотки той демократии, которую вы так не любите, все эти касты с «минизаконодательством» начнут драку за верховенство своей идеологии сразу после вашей кончины.

Ко всему прочему, вы упустили из виду тот мизерный процент иррационального, который обязательно присутствует в судьбе любого государства. Как удалось дикому сибирскому мужику Гришке Распутину подчинить себе государственный аппарат мощнейшей державы и за три-четыре года развалить ее, несмотря на то, что и в правительстве и в Думе в то время работали не просто умные, а гениальные политики? Почему гуси оказались в нужный момент возле городской стены и своим гоготаньем спасли Рим от завоевания? Чем руководствовалась История, из миллиарда бабников запомнившая только Казанову, а из миллиона жуликов – Калиостро? Да я вам приведу сотню более убедительных примеров того, что судьбу государства подчас решает случайность, выходящая за рамки логического понимания. Дилетант

может все это объяснить избирательностью случая, но вы же профессионал! Планируя такие глобальные перемены вы просто обязаны были подумать о тех иррациональных, надчеловеческих факторах, которые никому не дано предугадать, но которые в состоянии задушить в зародыше любое, самое совершенное государство.

И потом, ради чего вы все это затеваете? Ради мифического «всеобщего блага»? Молчите, пожалуйста, я вас очень терпеливо слушал, теперь вы послушайте меня, – отмахнулся Карелин от пытавшегося что-то вставить Магистра. – Знаете, когда мне говорят о таких вещах, я сразу же вспоминаю анекдот, в котором ветеринар, закончив в коровнике процедуру искусственного оплодотворения, идет к выходу, а к нему подходит корова и, заглядывая в глаза, грустно так говорит: «А поцеловать!» Неужели это так сложно – понять, что высший смысл любого государственного строя заключается в обеспечивании такого порядка вещей, когда один человек сможет, ничего не опасаясь, любить другого человека? Все умники вашего типа совершают одну и ту же ошибку: свои субъективные и сугубо личные представления о всеобщем счастье вы пытаетесь навязать остальным людям, и когда у вас, казалось, уже все получается, обязательно раздастся этот крик: «А поцеловать!» А может быть все гораздо проще, и нам с вами стоит засунуть подальше все открытия нашего изысканного ума и отойти в сторону, предоставив людям право на совершение ошибки? И как ни лестно считать именно себя спасителем цивилизации, может быть это все-таки не наше собачье дело, а...? Да и что это вообще такое – всеобщее счастье? Кто-нибудь нашел четкое определение этому понятию?

Я долго бился над этим вопросом, и когда получил ответ на него, понял, что постороннее вмешательство, каким бы мудрым и своевременным оно ни казалось, только навредит. По моим представлениям высшая гармония, воплощенная в совершенных чувствах, эмоциях, образах и так далее и есть эквивалент человеческого счастья. Моделированием счастья занимается искусство, для которого круг на плоскости и шар в объеме являются графической моделью самой совершенной линии, к которой неосознанно стремятся все художники, никогда, впрочем, не достигая ее, и не потому, что это в принципе невозможно. Я смоделировал в музыке круг, нашел звучание предельного совершенства и как вы думаете, что я услышал? Ни-че-го! Это была тишина, пауза, смерть звука! Не правда ли, ужасна эта парадоксальность нашего мира, в котором предельное совершенство жизни заключается в смерти, высшая гармония звука – в тишине небытия, а эталон линии – в круге, этой змее, проглотившей

собственной тело? Воистину, что бы ты ни делал, каких бы высот не достигал, все это – суета, которая завершится кладбищенской тишиной. Но какой тогда смысл в человеческой жизни, в ее деяниях? Я должен был это понять и вещественно увидеть. Не буду пересказывать технические подробности моих опытов, в финале которых тишина зазвучала, они специфичны и вряд ли вас заинтересуют, но выводом поделюсь: гармония тишины слишком совершенна для того, чтобы человеческое ухо сумело ее услышать. Я перевел звуки, воспринимаемые нашим организмом в иное, более тонкое энергетическое качество и понял, что достижение предельной гармонии в условиях нашей физической реальности невозможно, она за границами нашего мира. Творец создал земную энергетическую частоту таким образом, что высшей формой жизни в ней является смерть, а высшей формой звука – тишина, то есть истинное природное совершенство исчезает из нашего поля зрения, переходит в другие энергии и питает их сущность. Именно поэтому так рано уходят от нас гении совершенства, они достигают порога своего развития и приносят гораздо большую пользу в иных мирах, оставляя Землю.

Поэтому всеобщее благо – это миф, недостижимый в нашем мире как линия горизонта, и все попытки создать идеальное государство заранее обречены на неудачу, так как, имея дело с сообществом людей, мы не должны забывать о том, что человек панически боится смерти, в которой только и возможно реализовать вашу мечту о таком государстве, и он инстинктивно всегда будет отодвигать все дальше и дальше призрачные миражи совершенства всякий раз, как только ему будет казаться, что он приближается к ним. Наш мир – это только полигон для души, ровная площадка, которую нужно не перебежать из одного конца в другой, а пропахать носом каждый ее миллиметр по разным траекториям и в разных направлениях, набить себе шишки и тем самым приобрести опыт для дальнейшей эволюции души. Всеобщее благо! На Земле рождалось уже столько умников, что будь эта фантазия хотя бы в принципе возможной, мы еще пару тысячелетий назад летали бы на чашку чая к братьям – марсианам. Да, жизнь жестока и коварна, ну и что с того? Кто может точно и уверенно сказать о том, что он распознал созидающую жестокость жизни? Какому мудрецу дано понять замысел режиссера, через слезы, кровь и отчаянье ведущего нас к сияющему фейерверками финалу? Как увидеть в незамысловатой бытовой сценке суть, вскрывающую величие рождения Личности, которой, быть может, суждено перевернуть наши представления мире? Высший режиссер не может быть дилетантом или ремесленником, он всеобъемлющ в своем великом замысле, который нам доверено воплотить в жизнь. И если признать, что наша планета и жизнь на ней –

только часть эволюционирующей системы, то тогда, вполне возможно, все встанет на свои места и мы сможем воспринимать любой, самый несовершенный общественный строй как внешнюю оболочку, дающую человеку возможность, совершая ошибки, набираться ума, и как только он научится любому своему занятию, будь то политика, бизнес или секс находить внебытийное обоснование, когда каждый его поступок будет пронизан пусть, черт побери, придуманной вселенской целью, тогда человек обретет способность уже при жизни не только слышать, но и видеть и осязать великую гармонию тишины...

– Я не хочу этого... Теперь уже не хочу, – Магистр смотрел на Карелина серьезно, пожалуй даже печально. – Когда я шел сюда, я шел к противнику, который мешает мне реализовать мою идею, а сейчас... черт возьми, я действительно жалею о том, что у нас не было возможности встретиться раньше и понять друг друга. У меня нет другого выхода, на этой маленькой планете нам двоим слишком тесно. Вы – сверхчеловек, вы достигли вершины, до которой я, наверное, никогда не дойду и ... дьявол его знает, может быть это действительно какая-то шизофреническая запрограммированность, но я уверен, что смогу вас победить, и я должен сделать это, иначе все теряет смысл. Наверняка я не прав, наверняка заблуждаюсь, но я хочу пройти свой путь до конца, вы же сами только что сказали, что смысл нашей жизни – это приобретение опыта на собственных ошибках. Вы многое мне дали и я почти за честь считаться вашим учеником, но я знаю, что договориться о нейтралитете нам не удастся и сейчас именно тот случай, когда во имя высшей цели сын должен убить своего отца. Каждый поступает сообразно своей вере ...

– Вы правы, Магистр, теперь вы действительно правы, – Артур сделал приглашающий жест рукой. – Делайте свое дело, сочтемся после ...

Противники разошлись в разные концы гостиной и стали друг напротив друга таким образом, что кресло, в котором растерянно заерзал Смит, оказалось между ними. Роберт, кляня все на свете, и в первую очередь свою неосмотрительность, начал сползать с кресла, обшаривая ошалелым взглядом комнату в поисках щели, в которую можно было бы забиться. Артур остановил его движение нетерпеливым жестом и начал медленно вытягивать вперед руки, закрыв глаза и глубоко и размеренно дыша. Краем глаза Смит увидел, что Магистр делает то же самое и пригибаясь, почти на четвереньках, все-таки переполз на диван. Потрясений, выпавших на его долю за один этот день, с лихвой хватило бы, наверное, на целую жизнь и он, инстинктивно предохраняя свою психику от переживаний, рядом с

которыми все минувшие, как он догадывался, будут только бледной тенью, закрыл глаза. Долго так просидеть ему не удалось, ибо он почти физически почувствовал присутствие в комнате какой-то третьей силы, страшное могущество которой заставляло вибрировать не только предметы, имевшие физическую массу, но, казалось, и невесомые молекулы воздуха. Любопытство, этот то ли порок, то ли достоинство человека, заставило его приоткрыть глаза, и он увидел, что за те секунды, что он сидел зажмурясь, изящно и комфортно обставленная гостиная карелинского особняка неузнаваемо изменилась. Теперь она казалась абсолютно пустой, если не считать стоявших друг напротив друга людей, исчезло даже кресло, с которого Смит так предусмотрительно перебрался на диван. За спиной Магистра, делавшего непрерывные методичные движения руками, росло темно-серое облако, пульсирующее накапливающейся силой. Карелин стоял, скрестив руки на груди, и все пространство за ним было заполнено золотистым туманом, переливающимся спокойными волнами. Магистр сделал резкое движение и от его руки в сторону сверхчеловека стремительно метнулся ярко-желтый луч. Артур снова глубоко вздохнул, не меняя позы, и этот сноп энергии, точно направленный в его переносицу стал замедлять свое движение и вдруг, изменив направление, заметался между двумя противниками. Казалось, что луч не подчиняется никаким законам физики – он то выписывал плавные кривые, то, не останавливаясь, резко менял траекторию и летел в противоположную сторону, опутывая Карелина и Магистра блестящей паутиной своих виражей. Жизнь его завершилась так же неожиданно, как и началась. Сделав очередной крутой поворот, луч остановился и замер в нескольких сантиметрах от солнечного сплетения своего создателя. Магистр попробовал шагнуть назад, избегая губительного соприкосновения, однако облако за его спиной обладало, по-видимому, какой-то вещественной силой, не позволившей отойти в сторону. Луч пульсировал и переливался, медленно продвигаясь вперед, и Магистр, лучше кого бы то ни было осведомленный о том, чем грозит ему контакт с этой энергией, старался вжаться в пространство, стать как можно меньше и незаметнее. Его глаза почти вылезли из орбит, на висках стучали вздувшиеся вены, тело сотрясалось в конвульсиях и Артур, до этого бесстрастно наблюдавший за усилиями своего соперника, пришел Магистру на помощь. Сделав быстрый пасс руками, сверхчеловек несколько раз глубоко вздохнул, выпуская воздух через нос, луч исчез также неожиданно, как и появился, туман за его спиной начал редеть и комната постепенно приобрела прежний вид. Магистр сделал несколько трудных шагов вперед и упал в кресло, несколькими минутами назад оставленное Робертом, а усталый и грустный человек,

уже ничем не напоминавший того ерника, который недавно сыпал остротами, сел на диван рядом со Смитом.

– Простите, дружище, за это неаппетитное зрелище, – хриплые звуки, исторгнутые его горлом, вряд ли могли вызвать сладостную истому у поклонниц. – Пока Магистр не пришел в себя, я должен более подробно проинструктировать вас относительно дальнейших действий. Да, да, я расскажу вам о том, что здесь на самом деле происходило, – останавливая готовый вырваться у Смита вопрос, резко сказал сверхчеловек, – но пока ваша фантазия не перебила способности трезво мыслить, потерпите немного и послушайте, что я вам скажу. Магистр прав, я подошел к пределу земного совершенства и буду более полезен людям, если сброшу с себя физическую оболочку и уйду в тот мир, где мои способности смогут реализоваться полнее. Оставить здесь Магистра я не могу, у него слишком деятельная натура и без внешнего контроля он состряпает такую кашу, которую мы никогда не расхлебаем. Однако поставить точку в наших с ним биографиях сможет только обычный человек, мне это нужно, я так решил, и Магистр ничего не сможет с этим поделать. Не стоит думать, что у вас нет выбора, нет, в ваших силах продлить наше пребывание на этой планете, но я дал вам исчерпывающую и наглядную информацию о том, кто мы такие и что мы можем, и у вас есть двадцать четыре часа для того, чтобы решить, стоит ли подвергать людей опасности, делая их заложниками двух ненормальных, каждый из которых должен быть первым и единственным, или же люди сами смогут разобраться в своих проблемах, не отвлекаясь на участие в наших драках. А чтобы помочь вам сделать выбор я, как и обещал, расскажу о том, чего вы не смогли увидеть собственными глазами ...

Артур откинул голову на спинку дивана и закрыл глаза.

– Отправляя вас сюда, Магистр, конечно, не допускал и тени мысли о том, что вы можете меня победить. Более того, то, что вы вообще остались в живых – нонсенс, ибо по логике вещей я просто обязан был размазать вас по ковролану в этой комнате, так как вы слишком глубоко проникли в ситуацию, а это могло навредить моим планам. Я принял его игру, и вы действительно были очень близки к смерти, однако когда я не только не стал вас добивать, но и помог восстановить прежнюю форму, Магистр решил, что имеет дело с сентиментальным интеллигентиком, которого достаточно легко будет взять за жабры. Видите ли, Роберт, расправляясь с вами, я волею-неволей отдавал в пространство часть индивидуальной, частотно-присущей только мне энергии, которую Магистр, настроенный на ситуацию, бережно собирал. И вы были нужны ему только как

специально подготовленный внешний раздражитель, на который я вынужден тратить силы. Как только моей энергии собралось достаточно для создания маленького, но уже жизнеспособного энергоинформационного поля, этот беспринципный бандит ввел в него частоты нескольких миллионов обычных людей, которые и не подозревали о том, что их недомогания, мигрени и обмороки, вызванные откачкой биоэнергии – часть великой операции по уничтожению сверхчеловека. С точки зрения убойности энергетической силы это ему ничего не давало, ведь даже у такого количества людей невозможно изъять энергию настолько качественную, чтобы она могла тягаться с моей, однако миллионная толпа заложников – это козырь, который мне нечем было крыть. Слив мою энергию с энергией обывателей Магистр получил смесь однозначно положительного заряда, против которой бессильны тонкие слои духа планеты, так как они сами ее часть и, следовательно, не могут бороться против своей же сущности. Таким образом наш общий друг отнял у меня возможность получить достаточно значимую помощь извне. Уничтожить созданную им энергетическую субстанцию собственными силами я теоретически мог, но практически не имел на это права, ведь тогда погибли бы те люди, энергия которых была взята Магистром. Отфутболить этот заряд и вывести его в околоземное пространство также не представлялось возможным, так как выброс энергии такого качества за пределы системы нарушит энергетическое равновесие и вся планета погибнет. Рассчитано все было безукоризненно, единственным выходом для меня было принять на себя этот мощнейший заряд и прекратить не только свое земное, но и вообще энергетическое существование, потому что сохранить свою душу, выдержав такой удар, физически невозможно. Магистру для реализации его плана не хватало одного – времени, так как первую порцию моей энергии он получил только в конце нашего с вами разговора, а по-настоящему мощная структура за такой короткий период сложиться не может. Поэтому он приехал сюда и начал тянуть волынку, пытаясь вывести меня из себя и получить недостающую часть моей энергии, запечатав которой свою колбу он уже не оставит мне ни единого шанса выжить. Магистр делал ставку на неожиданность, он и представить себе не мог, что эту комбинацию разработал для него я, естественно позаботившись о противоядии для себя. Это была, как бы это поточнее выразить ... последняя проверка на порядочность, и если бы он отказался от такого циничного шантажа или хотя бы попытался его смягчить, я оставил бы ему жизнь, но он сам сделал свой выбор. Когда он приехал сюда, я, со всем присущим мне ехидством, поддержал его игру и позволил ему взять у меня то, что он хотел взять. Мы валяли

дурака, изображая философский диспут до тех пор, пока наши дуэльные пистолеты не были прочищены и заряжены, и вот когда пришло время становиться в позицию, началось самое интересное. Магистр включил свой агрегат и тут же захрюкал маленький поросенок, которого я ему подложил. Еще раз повторю, что Магистр ставил на неожиданность и действительно, не будь я готов к такому повороту событий, то вступив с ним в единоборство и увидев в последний момент вместо этого монстра детишек, домохозяек и туберкулезников, которых мне предстоит уничтожить, я бы не задумываясь самоликвидировался, так как кодекс чести сверхчеловека не допускает возможности причинения вреда в антиэволюционном смысле даже самой мелкой букашке, а на создание эффективной защитной системы у меня просто не было бы времени. Однако я был готов, к тому же за последнее время мне удалось завершить теоретическую разработку идеи направленного резонирования и мне не терпелось проверить кое-какие выводы на практике.

– Значит вы играли по домашней заготовке? – горящие глаза Смита говорили о его неподдельном интересе.

– Разумеется, – кивнул сверхчеловек, – полагаться в таких серьезных вопросах на умение импровизировать – это безумие, слишком велика ответственность при поражении. Наверняка я бы выкрутился и не подготовившись как следует к этому бою, ведь я знал, что и как будет делать Магистр, но, слава богу, мне привили способность всегда ориентироваться на худший вариант. Я же говорил вам, что самонадеянность – самый страшный враг умного человека, Магистр пропустил это мимо ушей, и где он теперь? А ведь я, когда излагал ему вкратце мою теорию, давал возможность подумать и избежать этого превращения в полуфабрикат для морга ... Ладно, бог с ним, с Магистром, хотя, откровенно говоря, мне жаль, что он так бездарно распорядился своей жизнью.

Так вот, как только Магистр привел в действие собранный им механизм, я включил принцип обратного резонирования и отбил этот блестящий мяч прямо в физиономию его автора. Такой поворот событий мой визави был в состоянии предусмотреть, и, разумеется, он принял контрмеры. Ему было прекрасно известно, что я могу направить его посыл против него самого, но он также знал, что уничтожив энергетический объект его ранга, я навесил бы на карму людей, помимо своей воли участвовавших в этой драке, такой груз, который отбросил бы их на несколько эволюционных этапов назад, что для меня, как вы сами понимаете, неприемлемо. Магистр мог победить в этом раунде только в том случае, если бы своевременно понял, что

выигрывает тот, кто успевает в последний момент свои недостатки, на которые делал ставку противник, обратить в достоинства. Я никогда не забываю этот принцип, поэтому энергетика посторонних людей, которой Магистр, как он считал, связал меня по рукам и ногам, я обратил в дополнительную среду резонирования. Дело в том, что пока он, рассуждая здесь о государстве, плевался в атмосферу сгустками своей энергии, я собирал ее из пространства и аккумулировал в своем поле точно так же, как он до этого мою. И когда Магистр послал в меня заряд чужой энергии, я остановил его и ввел туда энергию самого Магистра. Подробности взаимодействия энергий вам вряд ли пригодятся, проделать что-либо подобное вы все равно не сможете, поэтому я их опускаю. Скажу лишь, что все то время, пока этот луч якобы бесцельно болтался по комнате, малая часть энергии Магистра, попавшая в мое распоряжение, двигалась внутри того поля, которое он создал для моего уничтожения, постепенно ускоряясь и используя всю инерцию движения для усиления собственной сущности. В этом и заключается принцип направленного резонирования, изложением которого я проел Магистру плешь, пытаюсь уберечь его от неверного шага. Видите ли, Боб, эта малая доля энергии Магистра, которую мне удалось подцепить, являясь его порождением, уже не принадлежала ему, так как попала в среду, где существуют миллионы ей подобных, и отследить ее судьбу мог только я, потому что, в отличие от Магистра, владею методом настройки на конкретную частоту, необходимую мне в данный момент. И тогда, когда эта капелька энергии моего противника, сталкиваясь с полями других людей и отлетая от них как горох от стены, ускоряясь и усиливая собственную мощь, превратилась в девятый вал, я направил ее к источнику, породившему ее, выключив из сообщества излучений других людей. Вот так Магистру пришлось иметь дело только со своей энергетической частотой, против которой он, однако, был уже бессилён, так как величина заряда, который я ему возвратил, намного превышала его собственный потенциал, и этой энергии хватило бы для уничтожения двух десятков магистров. Все остальное вы видели сами ...

– А почему вы не хотите покончить с Магистром сами и остаться здесь? – Смит впервые за время карелинского рассказа посмотрел на Магистра, остекленевшие глаза которого постепенно начали оттаивать.

– Фу, Роберт, откуда этот вампирский жаргон? «Покончить, прикончить, добить...» Сами только что были на его месте... Ладно, не дуйтесь, у меня нет сил еще и для того, чтобы поднимать ваше настроение. Сверхчеловек уходит не тогда, когда ему захочется, а тогда, когда его смерть имеет больший смысл, нежели его жизнь. Мне нужно

уйти, и никто кроме вас и Магистра не сможет обставить мой уход с должной помпой, так что подумайте и решите, как это все лучше сделать. А для Магистра я приготовил еще один сюрприз, чтобы жизнь не казалась ему медом.

Артур щелкнул пальцами, и зеркало на противоположной стене снова превратилось в огромный экран, на котором Смит увидел свою удивленную физиономию.

- Не туда смотрите, - усмехнулся сверхчеловек, - лейбл нашей самой популярной телекомпании видите? Все, что сегодня происходило в этой комнате, транслировалось в прямом эфире на пятьдесят с лишним стран. А чтобы наивные телезрители не решили, что смотрят мою очередную телепостановку, я заранее записал для них предварительное пояснение. Все-таки здесь говорилось очень много правильных вещей, которые кому-нибудь могут пригодиться, да и узнать, как происходит настоящий раздел сфер влияния обывателю будет небезынтересно. Так что вы с Магистром теперь суперзвезды... Вы еще сумеете выкрутиться, об этом я позабочусь, а ему остаток жизни придется как зайцу перебегать от одного куста к другому. Ладно, забирайте этого деятеля и ведите куда-нибудь зализывать раны, а мне еще нужно отдохнуть перед завтрашним днем...

Сверхчеловек внимательно посмотрел на Смита, обращая его внимание на последние слова и, коротко кивнув, вышел из гостиной, пробормотав, наверное неожиданно даже для самого себя: «Господи, как вы мне все надоели!».

Глава 6

На экране монитора зажглась надпись: «Внимание! Прямой эфир!» Натали повернулась к камере и, улыбаясь своей самой обворожительной улыбкой, произнесла: «Здравствуйте! Сегодня в нашей студии герой дня, великий мудрец и, что для вас наверняка более интересно, мой любимый человек – Артур Карелин!»

Склонность к ироничному эпатажу была не единственной чертой, объединяющей этих двух людей, но сейчас она вышла на первый план, бросая вызов той мутной слизи сплетен и домыслов, которая облепила их после недавнего интервью.

Интересно было наблюдать в эту минуту за Артуром, для которого заявление Натали явилось гораздо большим откровением, чем для

телезрителей, уже конечно успевших овеществить неясный призрак чувства придуманными фактами и несуществующими подробностями. Предыдущая их встреча в этой телестудии закончилась ничего не значащими фразами людей, сделавших общее дело и стремившихся как можно быстрее избавиться от тревожной неловкости, вызванной неожиданным всплеском эмоций. Ощущение неизбежности, обреченности на любовь приходит обычно немного позже, когда человек остается наедине с самим собой, и глядя сейчас на Артура можно было подумать, что его время еще не пришло, и чем совершеннее и ярче человек, тем труднее ему бывает раствориться в чувстве, первые блики которого слепят его слишком острое зрение. Женщине легче, в ней самой природой заложена способность управлять этой нерациональной логикой любви, но мужчина, каким бы ловеласом, покорившим миллионы сердец он не был в прошлой жизни, становится робким мальчишкой, получив удар по темечку дубиной открытых эмоций, не страшась условностей. Забавно было видеть титана, одержавшего накануне победу, выходящую за рамки человеческих возможностей зеленым юнцом, пытающимся скрыть за наивным высокомерием отчаянное желание разреветься и убежать куда глаза глядят. Зная взрывной характер Артура, несложно было предположить исход этой беседы, но женская мудрость, эта удивительная способность интуитивно, непостижимо для себя самой найти единственно верную в такие минуты линию поведения, к счастью, пришла на помощь. Натали, с улыбкой наблюдавшая за тупо молчавшим Карелиным вдруг, быстро перебирая ногами по полу, подъехала вместе с креслом к нему и, положив руку на плечо, виновато сказала:

– Прости, дорогой, я, наверное, веду себя нескромно, но я ведь только слабая женщина, не знающая, чем привлечь твое внимание...

– Да уж, слабая..., – проворчал Артур, проводя рукой по лицу и стряхивая с него на ковер мелкие капельки пота, – я тут чуть богу душу не отдал со страха.

– Это точно, вы все такие, – заразительно рассмеялась Натали, – свернуть шею страшному бандиту у вас смелости хватает, а подарить букет цветов безнадежно влюбленной женщине – руки трясутся...

– Ой, как ты не права, сейчас тебе станет стыдно, – Артур уже полностью вернул себе способность контролировать эмоции и, демонстративно повертев перед лицом Натали переставшими дрожать руками, встал с кресла и вышел из кадра. Через несколько секунд на маленьком столике, стоявшем между креслами и призванном оживить

композицию кадра, лежал огромный букет белых роз, который Натали начала зачарованно перебирать руками.

– Господи, я и не могла представить, что есть на свете мужчины, угадывающие желания женщины.

– Не верьте ей, – подмигнул в сторону телекамеры Карелин, – на самом деле мы все это заранее отрепетировали и сейчас она просто дразнит остальных женщин тем, что только у нее есть такой внимательный и заботливый мужчина. Вообще-то, если честно, то мы живем вместе уже десять лет, дети в школу ходят, а я – талантливый актер, который после стольких лет семейной жизни еще может изобразить любовное томление...

– Карелин, если ты сейчас не замолчишь, я не знаю, что с тобой сделаю, – подыграла Натали. – Обязательно нужно все испортить...

– Все, молчу, иначе опять будешь кормить одними макаронами, – замахал руками Артур.

– Это другое дело, – засмеялась Натали, – а то разговорился... Ладно, отношения выясним дома, сейчас давай работать, нам ведь за это деньги платят.

Она выбрала самую крупную и красивую розу и, положив ее на колени, оттолкнулась ногами от пола, возвращаясь вместе с креслом на старое место.

– Судя по тем репликам, которые ты адресовал моим коллегам, жаждущим задать тебе вопрос о так называемом «заговоре магов», который ты раскрыл, касаться этой темы небезопасно, ты опять начнешь на меня орать, и у наших зрителей сложится о тебе неверное мнение, как о тиране и деспоте.

– Я всегда говорил, что ты – святая, – проворковал Артур, приникая губами к руке Натали и, дождавшись ее легкого прикосновения к своим волосам, снова откинулся на спинку кресла.

– Поговорим на общие темы, – Натали на глазах из влюбленной хохотушки превращалась в деловую женщину. – Я обещала тебе не касаться этой истории, но начинать с чего-то надо, может быть ты сам хочешь как-то прокомментировать вчерашний день?

– Эх ты, а еще святая, – Артур с ласковой усмешкой смотрел на Натали. – Как ни кружила, а все равно вырулила на эту дорогу... Ладно, вей из меня веревки, я все стерплю.

– Страдалец ты мой, – она продолжала издеваться над растерянными, сбитыми с толку телезрителями, наверняка

воспринимающими всерьез этот импровизированный розыгрыш. – Если это твое последнее слово..., – Натали начала заворачивать беседу в серьезное русло, но внезапно остановилась, увидев, как вдруг изменилось лицо Артура.

По телу сверхчеловека пробежала волна дрожи, выплеснувшись на лицо гримасой боли и отчаяния, которую тут же погасила ироничная улыбка, растворившая в блеснувших непонятным холодом глазах призрак тайны, скрываемой Карелиным в первую очередь от любимой женщины. Та часть вчерашнего разговора со Смитом, которая касалась его смерти, не попала в эфир. Артур, заранее продумавший композицию передачи, отключал камеру всякий раз, когда касался запретной темы и то, что Натали, сказав последнюю фразу совсем по иному поводу, невольно проникла в его секрет, было для сверхчеловека полной неожиданностью. Любимая женщина сверхчеловека могла соединить себя с ним высшим союзом только сумев безо всяких подсказок увидеть в его смерти ее настоящий смысл, но сейчас Артур думал уже не об этом. То, что сегодня услышат люди, будет действительно его последним словом, и сверхчеловеку нужно было максимально выложиться для того, чтобы потом не сожалеть о недосказанном.

– Я хочу поговорить о том, почему Магистр поступил именно так, а не иначе, и тем самым, может быть, хотя бы частично, оправдать этого талантливого, но запутавшегося человека в глазах наших телезрителей, – прервал Карелин нехорошую тишину, которая уже начинала затягиваться. – Корень всех поступков, совершаемых людьми, един – это несоответствие идеального мира, существующего внутри человека, той объективной реальности, в жестких рамках которой он вынужден этот идеальный мир наполнять живым содержанием, и на основе этой банальной мысли я и попытаюсь раскрыть «великую тайну Магистра».

Мудрецы всех времен фанатично искали ту единую константу, которая является платформой побуждений, заставляющих человека совершать именно это, а не иное действие, направленное на созидание или разрушение. Ближе всех к решению задачи подошел дедушка Фрейд, однако он несколько сузил эту проблему, ограничив ее сексуальными мотивами. Фрейд считал, что линия поведения человека определяется комплексами, заложенными в подсознание в период детства и ранней юности, связанными с его первыми сексуальными переживаниями, влияющими на стиль дальнейшей жизни. Его метод анализа этих комплексов и их последующей коррекции давал неплохие практические результаты, поэтому теория прижилась, несмотря на всю ее спорность. Я признаю значимость открытий гениального ученого, но

вижу их в несколько ином свете. Действительно, детство и юность – это время формирования основы характера человека и определенная доля в этом процессе принадлежит сексуальным импульсам, но я предлагаю посмотреть на этот период под несколько иным углом зрения. Если принять во внимание социальный аспект времени «невинного младенчества», то придется признать, что это тот отрезок жизни, когда личность формирует свой взгляд на мир, еще не испытывая существенной зависимости от него. Общество обязывает родителей заботиться о материальном обеспечении своих детей до их совершеннолетия, и ребенок имеет возможность строить свои воздушные замки, не задумываясь о том, что он будет завтра есть и где он будет спать. Таким образом, маленький человек, не решающий проблемы хлеба насущного, создает свой персональный идеализированный внутренний мир, воспоминания о котором будут преследовать его всю оставшуюся жизнь, ибо встретившись с реальностью он внезапно поймет, что общество, оказывается, живет совсем не по тем правилам, которые он для себя выдумал и которые считал единственно возможными. Конечно, эта схема слишком абстрактна и далека от действительности, но я намеренно упростил ее для того, чтобы донести смысл явления. Есть дети, которые в силу тех или иных причин слишком рано сталкиваются с суровой действительностью, но ведь и они, как бы трудно им не жилось, играют в игры и слушают сказки, а значит тоже воображают свою идеальную Вселенную. И вот именно эта трагедия несоответствия идеального внутреннего мира реальному внешнему, психическая травма, получаемая от осознания этой нетождественности и создает ту психологическую платформу, на основе которой личность совершает свои поступки. Неосознанное стремление переделать окружающий мир в соответствии с мечтой, которой человек жил в детстве, загоняется в глубины мозга, плетя оттуда причудливый узор повседневного поведения. Разумеется, проблема более обширна, чем я пытаюсь это представить, и серое вещество, спрятанное в нашем черепе, хранит тайны, замешанные и на социальных и на сексуальных и на творческих мотивах, перемешивающихся и составляющих неожиданные комбинации, познать истинную суть которых человек сможет только тогда, когда ответит на вопросы: что же это такое – его мозг, как и кем он создан и на каких принципах нужно строить свои взаимоотношения с ним?

Традиционно принято отводить главенствующую роль в этой таинственной энергетической субстанции нашему сознанию, якобы порождающему все мысли и управляющему любыми проявлениями жизнедеятельности биологического вида. Однако практика все время

подбрасывает случаи, необъяснимые с этой точки зрения. Преступник стреляет в голову полицейскому, пуля разрушает значительную часть мозга, но полицейский остается нормальным человеком, только иногда испытывающим приступы головной боли. Матросу, попавшему головой в промежуток между нижней частью моста и надпалубной постройкой, начисто срезает четверть черепа, а через месяц он выходит на работу, не чувствуя никаких недомоганий. При вскрытии абсолютно нормального младенца, прожившего двадцать семь дней, выясняется, что мозга у него совсем нет, а черепная коробка заполнена водой. Как можно объяснить нормальное физиологическое и даже интеллектуальное существование при сильнейшем поражении и даже при полном отсутствии мозга? С естественнонаучных позиций – никак. Вообще, наличие подобных фактов – это бич любой теории, имеющей традиционно понимаемую материалистическую основу, так как понять их с этих позиций не представляется возможным. И определить, в чем же тут дело, можно только расширив свой взгляд на мир до осознания реальности существования множества миров, связанных с нашим миллионами энергетических нитей. Можно называть такую постановку вопроса идеалистической, метафизической, мистической, как угодно, суть ее от этого не изменится. Реальных доказательств правильности такой гипотезы, способных убедить самого заядлого скептика, мы не получим еще очень долгое время, и весь духовный разброд нашего периода, идущий от невозможности ответить на эти и им подобные вопросы, основан на том, что строгое рации научного анализа и субъективность духовного прозрения получили равные права в глазах современного человека, с одной стороны воспитанного на требовании логичных и ясных доказательств, но с другой стороны чувствующего неизвестно откуда взявшееся томление по сверхъестественному, не укладывающемуся в привычные каноны. Да, мы уже выросли и из тех и из других коротких штанишек, но для обретения синтезированного мировоззрения нам не хватает самого малого – чуда, которое можно потрогать руками, убедившись в его материальности. Когда это произойдет – одному Богу известно, а пока одни истово верят в существование Творца, другим нужны бесспорные факты, доказывающие это, однако и тех и других хватает только на то, чтобы невнятно и условно изложить свой взгляд на вещи, который ехидная Природа обязательно перевернет с ног на голову. И действительно, в голове с трудом укладывается, что правы все понемногу, и уже даже закоренелые материалисты признают, что любая, безупречно построенная и логически выверенная концепция в своей высшей стадии докажет: иллюзии и реальность настолько тесно переплетены, что могут подменять друг друга, а отъявленные идеалисты,

непоколебимо убежденные в непознаваемости божественной сути вещей, видят их примитивную, доступную разуму природу. Трагедия нашей эпохи в том и заключается, что человек настолько развил свой познающий и обобщающий метод, что наконец-то смог увидеть явную нестыковку между своими представлениями о реальности и самой реальностью. Депрессия, явившаяся следствием такого неприятного открытия и заставляет его, потерявшего все привычные иллюзии, которые спасали предыдущие, безмятежно заблуждавшиеся поколения, бросаться в крайности – от сатанинских сект до воспроизведения биологической особи из одной клетки. Трудно оставаться на ногах, не имея под ними опоры, и помочь избежать духовной опустошенности, рожденной новейшими научными открытиями и прозрениями философов, может только принципиально новый исследовательский метод, основанный на соединении логического анализа с ирреальными чувствами, эмоциями, интуицией человека.

– И ты создал такой метод? – спросила Натали, с гордостью глядя на своего обожаемого Карелина.

– Нет, я только нащупал подходы к нему, – Артур, увлеченный рассказом о своей теории, начал оживленно жестикулировать, невольно сбрасывая с себя скорлупу своего имиджа, – создание метода, это, честно говоря, не мое дело. Я и так знаю все, что хочу знать, и моя задача заключается в том, чтобы очертить круг вопросов и дать наводящие установки, которые помогут творческой личности отсесть второстепенное и увидеть главное. Важно разглядеть цель и методично двигаться к ней, а не бессмысленно критиканствовать. Знаешь, мне уже порядком надоели все эти разговоры о том, что люди эволюционируют не в ту сторону, что технический прогресс отрывает нас от природы, и все прочие умные вещи, за которыми, однако, не видно даже малейшего желания что-либо изменить. Давайте лучше подумаем о том, что любой шаг в какую бы то ни было сторону – уже развитие, однако только в том случае, если он сделан осознанно, а не инерционно. Не скажу, что люди все делали правильно, но они все же что-то делали, во что-то верили, к чему-то шли. Победа и поражение в глазах Природы равны, это нам кажется, что мы уже достаточно умны для того, чтобы отделить одно от другого, а на самом деле тот, кто способен осмыслить свое поражение и извлечь из него урок, никогда не станет проигравшим. И хотя я постоянно ругаю человека за все его промахи, в глубине души я его, безусловно, оправдываю, хотя бы потому, что его заблуждения всегда были искренними. Не следовало, конечно, слишком увлекаться внешней стороной дела, его практической пользой, механистичностью и логичностью, так как это неизбежно приводит к утрате способности

эстетически наслаждаться красотой своих творений, и вместо аромата возвышенности смысла того, что мы делаем, нам в нос начинает бить пошлый запах машинного масла, но и для этого есть свои объективные причины, и о них мы еще будем говорить. Поправить дело можно – вполне реально создать этот новый исследовательский метод, однако обращаясь к людям прямым текстом, декларируя всерьез принципы этого метода, я смогу убедить их в его действенности только тогда, когда они увидят его практический смысл, смогут извлечь из него реальную пользу, а это как раз то, против чего я всю жизнь боролся. Поэтому я предпочитаю тихо, исподволь раскачивать психику человека парадоксами, критики не зря ведь упрекают меня в том, что в каждой последующей книге я убедительно опровергаю все то, что также убедительно доказывал в предыдущей, с откровенным бесстыдством приписываю себе чужие мысли, имея достаточное количество оригинальных своих, и вообще делаю множество вещей, логика которых не укладывается в их рациональные головы. Мой способ подачи материала рассчитан на то, чтобы запутать человека, имеющего искреннее желание разобраться в сути вещей, лишить его привычных ориентиров, сложившихся под влиянием этой нехорошей привычки проглатывать тщательно пережеванные концепции, и создать тем самым условия для пробуждения дремлющих в нем подсознательных инстинктов индивидуального творчества, не зависящих от чьего-либо авторитета. Сейчас, по сути дела, человеку не из чего выбирать, он настолько роботизирован навязанными извне символами, фетишами и клише, что напоминает раба, уже рожденного в неволе и не подозревающего о том, что где-то в другом месте может существовать свобода. Но когда он почувствует вкус своего первого самостоятельного открытия, когда польет потом каждый добытый им факт, когда построит маленькую лачугу своего собственного знания, пусть даже кособокую и нелепую на фоне прекрасных дворцов великих мудрецов, тогда он сделает первый шаг к свободе этого нового метода познания, о котором я так поэтично распинаясь, и тогда уже я буду просить его помочь мне разобраться в мучающих меня проблемах.

– Господи, да неужели на этом свете есть то, чего ты не знаешь или в чем сомневаешься?

– Слушай, ты где набралась этого ехидства, а? Хотя чего я возмущаюсь – «с кем поведешься, от того и наберешься», да?...

– Что ты, я же искренне, – лукаво улыбнулась Натали.

– Ухмылку спрячь, тогда поверю, что ты искренне, – рассмеялся Артур. – Видишь ли, основной парадокс заключается не в том, как совершить открытие, а в том, как грамотно, не выходя за рамки

логических связей, нормально воспринимающихся обычными людьми, разъяснить суть своего открытия, сделать его кому-то нужным. Знаю я достаточно много, но можешь мне поверить, есть люди, которые умнее меня в тысячу раз, а выразить свои мысли, сориентировать их на ту категорию, по-рыночному говоря, потребителей, которой эти знания необходимы как воздух, они не могут. Вот тебе свежий пример: пришел ко мне недавно ученый – материалист, приверженец теории относительности Эйнштейна и положил на стол расчеты, из которых следовало, что для случайного возникновения в процессе эволюции той основы биологической жизни, которой является молекула ДНК, необходимо 55 миллиардов лет, в то время как возраст нашей планеты – от силы 5 миллиардов. Мне он помог разобраться во многих интересующих меня вещах, но куда он дальше пойдет со своим революционным открытием?

– Как куда пойдет? – начала горячиться Натали. – Это же значит, что жизнь на Землю была привнесена извне!

– Для кого значит? – тоже завелся Артур. – Для идеалистов этот факт только подтверждает то, в чем они изначально были уверены, эти ребята поблагодарят его за математическое обоснование своей веры, но не больше. Материалистам его открытие ломает всю картину, и они будут пинать бедолагу до тех пор, пока он не смоделирует им этот процесс привнесения жизни извне, а это пока физически невозможно. И в том и в другом случае – тупик. Я, конечно, буду говорить о том, что любая планета, и наша в том числе, является лабораторией по производству различных форм энергии, и каждой из этих форм присущ первоначальный замысел, определяющий исходные условия эволюционирования материи и духа, так что жизнь на Земле появилась в положенное ей время, и конечно же не случайно, но на меня ополчатся и те и другие, и в первую очередь автор открытия, на основе которого я сделал такой вывод, ибо он не вписывается в его материалистическое мировоззрение. Весь ужас положения современного ученого в том и заключается, что фактов, в корне противоречащих друг другу накопилась уйма, а теории, которая сможет их объяснить и объединить – нет, ну а отказ от веры в старые истины, которая двигала его по пути познания – слишком сложная вещь, такую гибкость большинство людей сочтут беспринципной. Кроме того, болезнь любой теории – это неадекватность выражения идеи самой идее, и если исследователь не будет опираться на твердые принципы, он просто утонет в противоречиях...

– Ладно, бог с ними, с исследователями, но вот ты – философ Артур Карелин, считаешь, что мы созданы искусственно, и в сам факт нашего существования заложена какая-то цель?

– Господи, да по-моему даже последнему болвану должно быть ясно, что в основе любого дела лежит первоначальный замысел, хотя бы смутная мысль о том, что ты хочешь сделать и как. Этим замыслом диктуются только внешние условия жизни твоей идеи, форма, в границах которой она будет развиваться и без которой она развалится на осколки каких-нибудь неясных ощущений, не способных к эволюционированию. Дальше идея будет развиваться сама, используя тот потенциал, который заложен в ней первоначальным замыслом. Однако конечный итог в развитии идеи точно предсказан быть не может, ведь она призвана нести что-то новое, не существующее прежде, и финал при исходной задумке всегда выглядит очень туманно. Любой писатель или композитор, то есть человек, спецификой деятельности которого является создание того, чего не было прежде, может рассказать ученым о закономерностях реализации первоначального замысла. Ему, больше чем кому бы то ни было знакома ситуация, когда создаваемый им образ вдруг начинает жить по собственным законам, зачастую парадоксальным по отношению к заложенной в него идее, творит свою судьбу, наблюдая за которой автор открывает для себя какие-то новые, неизвестные ему прежде стороны жизни. Думаешь смысл творчества в финале практической реализации своей идеи? Ничего подобного! Смысл – в подробностях этой реализации, которые всегда неожиданны и неповторимы, и именно тем и интересны творцу. Так и в жизни – создателю нашего мира не важен конечный результат, которого мы достигнем в процессе бесконечного переустройства данного нам бытия, его увлекает неповторимая энергетика ощущений, которыми сопровождаются все наши безумные дела, так как только они способны добавить что-то новое в его совершенную сущность.

Только парадоксальность и нелогичность наших поступков, выходящих за рамки первичной идеи, способны обогатить ее, тем самым придав ей какой-то смысл. В заданности обязательно присутствует хотя бы малая толика свободы, и я считаю, что человек появился в результате изначально задуманного эволюционного процесса как особая форма энергии, призванная в итоге творческого поиска улучшить качество первородной субстанции.

– Но если дело обстоит именно так, как ты сказал, это значит, что конечный результат любого дела в принципе не важен... Зачем тогда было давать человеку желание изменить мир, разве нельзя было облечь

наши творческие амбиции в более безобидную и безвредную для окружающей среды форму?

– Видишь ли, говоря о способности сотворить что-нибудь новое в нашем мире, мы можем иметь в виду только ту прародительную энергию, которая создала эту реальность. Человек изначально не способен создать на физическом уровне нечто такое, чего бы еще не существовало прежде, и весь его вандализм является неосознанной мезью силе, лишившей его такой возможности. Мир заведомо конечен, он состоит из строго определенного числа физических, психических, интеллектуальных и так далее величин, определенных первоначальным замыслом, которые мы можем только комбинировать, создавая внешние условия для получения ирреальных впечатлений, но для того, чтобы считать эти манипуляции актом истинного творчества, у нас нет никаких оснований. Мы попали в ловушку, созерцая нашу планету, представляющую собой шар, а эта стереометрическая фигура способна родить иллюзию, но только иллюзию бесконечности мира для существа, обладающего плоскостным мышлением, и продлить ощущение беспредельности до тех пор, пока человек не начнет повторять себя самого.

– Почему плоскостным мышлением? Я всегда считала, что это насекомые видят только длину и ширину, а человек способен воспринимать и объем...

– Ценю твою образованность, но, говоря об объеме, я имею в виду не то, что человек способен воспринимать, а то, что он воспринимает. Объем мы действительно видим, но когда начинаем его оценивать, в дело вступает метод плоскостного мышления, основанный на так называемой диалектике. Формально все верно: для постижения сути вещи мы пользуемся категориями тезиса, антитезиса и синтеза, то есть дав предмету две полярно противоположные характеристики, а затем, соединив вместе их определяющие черты, мы получаем вроде бы объективные представления о природе этого предмета. Однако на практике, слишком буквально понимая это гениальное прозрение Гегеля, мы невольно вычлняем себя из окружающего мира. Бегая с линейкой, составленной по присущей нам шкале ценностей вокруг исследуемого объекта, мы регистрируем только внешние проявления его сути, доступные нашему миропониманию, то есть объем для нас является суммой изученных нами плоскостей. Этот способ мышления называется линейным, то есть таким, при котором факты располагаются по прямой линии, предполагающей регистрацию и оценку качественных или количественных изменений: от меньшего к большему, от плохого к хорошему, от примитивного к совершенному.

Исходный объем разбивается на составляющие его плоскости, именно поэтому я такой метод познания называю плоскостным. Неэффективность его очевидна, если принять во внимание, что проникнуть в истинную логику поведения объекта, исследуя ее поверхностные мотивы, никогда не удастся.

Однако изначально человек все-таки объемен, поэтому у него есть в запасе другой способ исследования, называемый круговым мышлением, который в чистом виде характерен для народов, сохранивших первобытный уклад жизни, проще говоря – для дикарей, и для тех представителей цивилизованного мира, которые нашли применение своим силам в сфере искусства. Круговое мышление доступно тому, кто способен отказаться от системы оценки внешних проявлений объекта и войти внутрь него, отождествить себя с его природой, отказавшись на время от собственной индивидуальности. Что есть признак величайшей одаренности, как не возможность до конца раствориться в идее, подчиниться ее законам и в результате этого постичь ее суть изнутри, безо всяких скидок и допущений? Что есть танец, как не воспроизведение в движениях тела ритмов Космоса, что есть музыка, как не улавливание отголосков великой гармонии Природы, что есть литература, как не овеществление незримых образов, роящихся в чердаках и подвалах нашей психики? Мы, люди искусства, самой спецификой нашей работы приговорены к круговому мышлению, а что делать остальным, не способным понять и почувствовать сладость порока, заключенного в добродетели? Пойди мы по этому пути эволюционирования мы, вполне возможно, до сих пор жили бы в пещерах и носили бы шкуры, но кто может поручиться, что наше собственное тело не заменило бы нам и телевизор, и телефон, и самолет? А что нам дал наш технический прогресс? Иллюзия, рожденная линейностью мышления, говорит нам что океан, на берегу которого стоит человек – беспределен, небо, в которое он смотрит – безмерно и образы, при помощи которых он пытается самовыразиться, не имеют предельного числа. Однако как только мы начинаем захламлять окружающую среду или фиксировать свое право авторства на какое-нибудь произведение, выясняется, что мир, оказывается, конечен и всю свою энергию мы вынуждены тратить на борьбу с взбунтовавшейся стихией и на судебные тяжбы с такими же как и мы «творцами», обвиняющими нас в плагиате. И тогда нас охватывает страх, потому, что нам кажется, что мы подошли к пределу своего развития, за которым – смерть и небытие.

Этот ужас осознания конечности мира – единственная мудрость, к которой способен прийти линейный человек, строящий свою жизнь по

критериям плоскости. Однако инстинктивно в нем все равно существует ощущение первородной объемности, и когда я исследовал природу страха, я понял, что это именно та точка, в которой встречаются круг и линия. С одной стороны страх – это чисто плоскостная защитная реакция мозга линейного человека, помогающая ему избежать чрезмерно глубокого проникновения в проблему, ибо любая глубина чревата ощущением конечности этой глубины, за которой опять-таки – небытие. Но с другой стороны именно страх рождает подсознательный протест против завершенности и толкает человека на поиски формулы уничтожения или хотя бы частичного подчинения себе конечности. Для человека плоскости завершенность равнозначна смерти и наркотик порока, игры, секса, да и творчества тоже интересен ему прежде всего тем, что создает иллюзию прохождения этого порога смерти и последующего за ней рождения вновь. Человек совершает мерзкий поступок, наказание за который он ассоциирует с завершением своего морального, но не физического бытия, и это дает ему возможность в любой момент, когда он только пожелает, сделать доброе дело и возродиться из пепла в качестве традиционно понимаемого «хорошего человека». Он садится к игральному столу или ложится в постель с женщиной, точно зная, что испытает чувство опустошенности, смерти эмоций, за которыми, однако, наступит новый день, а с ним придут и новые силы. В этих, на первый взгляд никак между собой не связанных факторах, заложено его интуитивное стремление приподнять завесу ограниченности мира, за которой человек надеется разглядеть новый свет и новую жизнь. Ощущение растворения в бытие, характерное для кругового человека, трактуются линейным как смерть его индивидуальности, которой он всеми силами старается избежать, зарывая голову в песок, но в то же время, чувствуя ограниченность своего взгляда на мир, он стремится пройти порог смерти еще при жизни, когда у него есть возможность в любой момент вернуться в привычную реальность.

Можно сказать, что смысл жизни линейного человека – это смерть понарошку, который подкрепляется еще одним мощнейшим инстинктивным фактором – стремлением к самоуничтожению всерьез. Существование этого фактора недоказуемо, и конечно же будет оспариваться, но я все-таки рискну поделиться своими наблюдениями. Мир более тонких энергий, порождением которого является наша так называемая душа, оставляющая его ради самосовершенствования в грубой физической оболочке тела, гораздо более красив и идеален по сравнению с нашим. По замыслу Природы память о своей родине покидает душу всякий раз, когда та начинает цикл действенного развития в новой оболочке. Однако в глубинах мозга каждого человека

живут бесплотные тени воспоминаний о его настоящей сущности, и чем одареннее человек, чем совершеннее его душа, тем громче звучит в нем голос родины, выражающийся в подсознательном стремлении к самоуничтожению, как к избавлению от физического тела и возвращению в более гармоничный мир. Таким образом, эти две противоположные тенденции – стремление к самоуничтожению, как к способу возврата в некогда покинутую идеальную реальность, и страх перед смертью, как невозможностью контролировать свою свободу передвижения в границах и плотной энергии нашего мира, и неосязаемой энергии его духовной родины и составляют базу скрытых мотивов, управляющих «творческой» деятельностью линейного человека, подсказывая ему, что платформа нашего мира – полярность, при которой один полюс ничего не добьется без наличия другого. Логика линейности в том, что добра не бывает без зла, вера подразумевает сомнение, и только наивным может казаться, что приняв сторону одной силы, они смогут обойтись без другой. Линия только тогда станет совершенной, когда замкнется в круг, и высшим достижением диалектичности я считаю то, что для объемного способа мышления является естественным – самоотречение, самозабвение экстаза творчества, полового акта, игры и даже алкогольного опьянения. Ощущения этого «наркотика истины», к которым стремится любой человек, пытаюсь отвлечься от монотонности будней – это порождение неистребимой тяги к самоуничтожению и воскрешению вновь, питающей все наши мифы и легенды. Кстати, я что-то разговорился, а ты молчишь. Может быть есть какие-то вопросы?

– Нет, пока мне все ясно, и вообще, такая ситуация, когда журналист молчит, а интервьюер заводится, изливая душу, для нашей профессии идеальна, так что я своим молчанием демонстрирую высший пилотаж. Но, пользуясь случаем, раз ты уже сам остановился, хочу спросить вот о чем: ты сказал, что переходя в физическую оболочку, душа забывает о своей родине, но сохраняет ли она какую-нибудь связь с тем миром, из которого пришла, во время физического воплощения?

– Именно об этом я и собирался поговорить, – Артур был несказанно доволен, в очередной раз убедившись в том, что интуиция любящей женщины способна творить чудеса, каким-то образом предугадывая то направление, в котором хотел бы двигаться мужчина. – Конечно же связь есть, она непрерывна, без нее человек не смог бы существовать, и осуществляется она при помощи мозга, который с этой стороны нам совсем не знаком. Если помнишь, в начале нашего разговора я привел несколько фактов, доказывающих, что мозг может

нормально функционировать, будучи сильно поврежденным, и даже, как дико это ни звучит, при полном отсутствии своего материального воплощения. Разумеется, это исключение из правил, но именно они дают нам возможность предположить, что существует некая иноматериальная часть нашего мозга, берущая на себя его функции при поражении ее более плотного, осязаемого эквивалента.

При биолокации пределов энергетического поля человека было обнаружено, что регистрируемые границы этого поля существуют только снизу и по бокам, а сверху точки, которой заканчивается биополе, найдено не было. Исходя из этого, можно выдвинуть гипотезу о существовании некой энергетической пуповины, связывающей любую биологическую особь, не только человека, с ее энергетической первоосновой. Можете называть эту первооснову Богом, сферой интеллекта планеты – как кому нравится, но лично мне больше по душе приземленное название «банк данных». Оно, по-моему, более емко и образно выражает суть этого явления, которая заключается в том, что мозг человека представляет собой устройство, не генерирующее мысль, как это казалось раньше, а только приемно-передающее, что-то вроде узко направленного телескопа, закладывающего и изымающего информацию из своей персональной ячейки общего «банка данных» планеты, с которым он связан энергетической пуповиной. Конечно же сразу возникает множество вопросов, например: какими чертами обладает этот «банк данных» и зачем он человеку вообще нужен? Лично я считаю, что наша реальность создана вибрациями определенной энергетической частоты, имеющей строго конечное число физических и моральных величин, отражающих ее уникальную сущность, и являющихся именно этим «банком данных», содержащим все возможные варианты развития как сообщества в целом, так и какой-то конкретной его части. А человеку остается только извлекать из этой сокровищницы готовые решения и, варьируя и комбинируя их в процессе «творческого поиска», создавать свой собственный индивидуальный жизненный стиль.

– Значит человек жестко ограничен в эволюционном развитии набором шаблонов?

– Да, вот так со мной пообщаешься и вообще забудешь нормальную человеческую речь... «эволюционное развитие...», «набор шаблонов...», – усмехнулся Артур. – Правильно, те «творческие способности» человека, определяющие его место в социуме и направленные на познание и преобразование окружающей среды, жестко ограничены и заключаются в поиске уже готового решения, которое будет наиболее точно соответствовать тем задачам, которые

человек, развиваясь, вынужден решать. В конечном мире не может быть бесконечности его проявлений, и если кого-то эта мысль возмущает, напомню, что искусственно созданный человеком миропорядок также не блещет особым разнообразием и отличается от природного только тем, что еще более сужает и ограничивает круг возможных вариантов развития, изначально предоставленных ему Творцом. Шаблонность лежит в основе структурирования наблюдаемых нами проявлений и внешней и внутренней природы человека, и то конечное многообразие символов, канонов и четко сформулированных постулатов, на производстве которых специализируются наши наука, политика, религия и искусство, является только плоскостным воплощением этой великой закономерности.

Некоторая степень свободы присутствует в самом процессе выбора необходимого человеку решения из числа исходно предоставленных ему вариантов. Но свобода предполагает ответственность, и число комбинаций, заполняющих твою персональную ячейку, будет зависеть от того, насколько полно ты использовал свою изобретательность в процессе поиска возможных решений, и здесь уже возникает обратная связь. Наш мозг, как приемно-передающая станция, способен извлекать из своей ячейки и использовать в обыденной жизни только те формы поведения, которые он заранее туда заложил. То есть мозг, приходя в результате решения какой-либо задачи к выбору одного варианта из всех физически возможных, создает ту информационную базу в своей персональной ячейке общего «банка данных», опираясь на которую человек будет формировать свой стиль поведения в сообществе себе подобных. В нашем лексиконе есть множество не совсем устойчивых, почти эфемерных понятий, отражающих этот баланс между тем, что ты приобрел в результате духовных и интеллектуальных поисков и тем, как ты используешь плоды этих усилий в реальной жизни. Мудрым называют человека, способного почти автоматически, без особого напряжения принять единственно верное решение, которое как раз таки является подсказкой этой иноматериальной части его мозга, находящейся в ячейке «банка данных». А интуиция – это механизм принятия правильного решения, имеющий два способа проявления. Первый – неосознанная интуиция, когда принимая какое-либо решение, человек еще не имеет достаточного количества данных для того, чтобы проанализировать все его последствия, и при возникновении реальной опасности, вызванной принятием этого решения, иноматериальная часть его мозга, автоматически просчитывающая исход любого дела, включает физиологические механизмы, не подчиняющиеся контролю сознания, которые и выводят

человека из-под удара. Чудо случайности, какими-то неведомыми путями спасающее нас от опасности, в силу тех или иных причин не зарегистрированной нашим сознанием, и есть проявление неосознанной интуиции. Вторая форма – направленная интуиция, служит великолепным помощником людям, исступленно решающим какую-то задачу, имеющую для них первостепенное значение. Все та же случайность, дарящая им долгожданное открытие в тот момент, когда силы иссякли и мозг затуманен отчаяньем, является проявлением интуиции, вступающей в дело при прохождении порога усталости. Сознание, обессиленное напряженной работой, не выдерживает бешеного ритма «творчества» и отключается, передавая свои функции надсознанию – иноматериальному мозгу, который взламывает замки своей персональной ячейки и выходит в область общего «банка данных», содержащего наряду со многими другими именно тот вариант решения проблемы, который покажется измученному поиском истины «творцу» наиболее логичным и убедительным. Практика медитации, этой сознательной настройки на поток идей, бурлящих в тонких сферах, демонстрирует нам возможность контролируемого проникновения в эти сферы, но для человека, не знакомого с техникой медитирования, открытие будет только цепью не овеществленных логической взаимосвязью случайных внешних или внутренних факторов, давших толчок к проявлению идеи, типа яблока, упавшего на голову Ньютона или приснившейся Менделееву периодической таблицы. Дело в том, что общий «банк данных» представляет собой не только бесчисленное множество сейфов с персональными делами обитателей планеты, но и соприкасающееся с ними бесплотное облако мыслей и эмоций, откуда надсознание имеет возможность черпать все реально существующие варианты развития человека, живущего материальной жизнью.

В общем, весь процесс жизнедеятельности «эволюционно ограниченного человека» заключается в том, что сознание ведет активный поиск и отбор наиболее приемлемых для данного индивидуума решений, которые затем закрепляются в рефлексах подсознания, а остальная часть мозга держит связь со своим «абонентским ящиком» в банке данных, закладывая в него информацию, полученную как в процессе общения с себе подобными, так и в результате проникновения в тонкие сферы разума планеты, и изымая ее по мере надобности. Механизм связи нашего организма с иноматериальной частью мозга имеет три уровня: бессознательный – во время сна, когда идет сортировка и обработка полученной информации без участия сознания, полуавтоматический – во время полового акта, когда рефлекторные элементы обладают примерно

равными правами с осознаваемыми, и сознательный – религиозный или творческий экстаз, медитация, когда человек целенаправленно стремится к контакту с тонкими энергиями.

– Ну, насчет первого и последнего уровней все ясно, а твою мысль о сексе я не вполне поняла. По-моему, занимаясь любовью люди думают только об одном...

– Выразился бы я поточнее, да портить о себе впечатление не хочу, – огрызнулся Артур. – Думают! Да они вообще ни о чем не думают и правильно делают! Физиологическое удовольствие, инстинкт размножения, эмоции любви – какие тут могут быть мысли? Как только речь заходит о мозге, все автоматически начинают представлять продуктом его работы мысль. Ничего подобного! Я говорил о том, что материальная и нематериальная части мозга обмениваются друг с другом информацией, то есть и мыслями и чувствами и эмоциями – всеми проявлениями жизненной активности человека, и ограничивать функции мозга только мыслительной деятельностью ни в коем случае недопустимо. Сексуальный контакт прекрасен именно тем, что в нем все смешивается, теряет четкие границы, делая беззубым этот вульгарный человеческий рационализм. Анализировать можно до или после, но только не во время, если конечно ты хочешь почувствовать неземную тайну этой магии, некий прообраз способности к истинному творчеству, изначально присущей человеку.

Люди всегда отдавали предпочтение тому, что можно потрогать руками, убедившись в его вещественности, поэтому они нарекли мощнейшую из сил, призванную сделать зримой все их неясные ощущения, сексуальной энергией. Я же определяю ее как энергию творчества. Фантазия – основа секса, и занимаясь любовью человек стремится не столько получить физиологическое удовольствие, сколько воссоздать в конкретном партнере те свои глубинные представления об идеальном, которые он тщетно ищет в реальной жизни, иначе все многообразие сексуальных отношений давно бы свелось к примитивному «туда-сюда». Энергия оргазма, образованная слиянием плотского чувственного влечения с неосязаемым фантомом этой так никем и не понятой Любви, является той силой, которая способна прорвать границы жесткой предопределенности нашего мира и выйти в сферы, где царит истинное Творчество, не поддающееся никаким качественным или количественным изменениям. Любви не может быть меньше или больше, счастье не бывает лучше или хуже, и я уверен, что поразмыслив любой человек придет к выводу о том, что та малая толика настоящей творческой способности, отпущенная нам богами, заключается в наших субъективных ощущениях от соприкосновения с

идеальным, которое мы стремимся одеть в плоть сексуальных отношений. Любви человека к человеку не существует, есть любовь к тем ощущениям, которые связаны с объектом любви, и высшее предназначение секса – реализовать наши представления об идеальном, противостоящие рационализму бытия.

– Кстати, о предопределенности... А что будет тогда, когда человек переберет все возможные варианты и осознает, что он – только белка в колесе?

– Здесь все будет зависеть от предрассудков, владеющих обществом в то время, в котором живет все осознавший человек. Общество, бьющее по рукам личность, которая, повинувшись творческим инстинктам, будет открывать давно известные истины, рискует постепенно переселить свою лучшую часть в дома для умалишенных. Человек так любит задавать вопросы и так не любит получать на них ответы именно потому, что интуитивно понимает конечность всех своих устремлений и старается как можно дальше отодвинуть момент страшного прозрения, ожидающего его тогда, когда последняя инстанция, обладающая в его глазах непререкаемым авторитетом – его интеллект, рацио, скажет ему о том, что в своей игре он ставил не на ту лошадь. Хитроумная Природа, предусмотрев такой поворот событий, дала психике человека естественный предохранитель, который мы называем юмором. Только ироничное отношение к самому себе и к плодам своего «творчества» способно уберечь нас от пугающего осознания тщеты и суетности тех открытий, которые мы стремимся «отдать миру». Нужно просто немного иначе взглянуть на эту проблему, увидев в ней те черты, которые позволят соединить фанатизм ребенка, всерьез, с открытым сердцем исследующего мир, с мудростью старика, улыбающегося воспоминаниям об открытиях далекой юности. Только тогда молодой идеалист, озабоченный проникновением в очередную тайну Природы, поймет всю условность принятия или отрицания своего открытия людьми и сумеет возвести на его основе тот неповторимый и уникальный храм своего внутреннего мира, который он, повинувшись своему высшему предназначению, должен создать и унести с собой.

– Да, так как же все-таки быть с Магистром, – сделала вид, что только что вспомнила об этом Натали. – Ты начал свои рассуждения с истории конкретного человека, а потом быстро ушел в сторону, хотя лично я об этом не жалею. Может быть хочешь что-нибудь добавить?

– Да, Магистр..., – Артур потер переносицу. – Я действительно так увлекся темой, что забыл, с чего начал. История с Магистром как раз таки прекрасно иллюстрирует все мои выводы. Этот человек работал на

свою идею не требуя никакого признания собственных заслуг, он делал все ради реализации своего представления об идеальном, и вся его беда только в том, что он не сумел разглядеть правильное направление, которым ему следовало идти. Я знаю, что Магистр искренне хотел благодетельствовать человечество, но даже самые добрые намерения всегда содержат в себе зародыш зла, а отделить зерна от плевел – удел избранных, к которым он, по-видимому, не относится. Гениальность в данном вопросе не может служить ориентиром, так как это только способность зримо увидеть и быстрее всех остальных реализовать свою идею, по сути дела являющаяся одной из форм психических отклонений, и даже опытные психиатры не всегда могут провести черту, отделяющую созидательную гениальность от разрушительной шизофрении или паранойи. Нельзя создать что-либо, ничего не разрушив, Магистр это прекрасно понимал, но понимал по-своему, прозевав тот момент, когда моторика, инерция замысла возросла настолько, что идея не только стала жить собственной жизнью, но и легко поработила своего творца. И гениальность в подобном случае стала гораздо большим злом, чем бездарность. Но, как бы то ни было, веру, какой бы корявой с моей колокольни она ни казалась, я уважаю больше, чем безверие. Мне приятно было иметь дело с таким противником, и я надеюсь, что у Магистра еще будет время задуматься над своими промахами и сделать из них правильные выводы.

– Огромное спасибо за беседу, и еще большее – за цветы, – Натали начала собирать разбросанные по столику розы. – Пора прощаться с нашими телезрителями и...

– Прощаться рано, – перебил ее Артур, в глазах которого запрыгали веселые чертенята, – специально для светской хроники я хочу сказать, что уже настолько объелся своими теоретическими рассуждениями о любви, что немедленно перехожу к практике...

И, не дожидаясь выключения телекамер, сверхчеловек притянул к себе смеющуюся Натали.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ.

Эпизод первый.

Что же это такое – последний день в жизни человека, когда черта, пролегающая между жизнью и смертью уже ясно видна

несовершенному разуму, и остается сказать последнее слово и сделать последнее дело? О чем мог думать Сократ перед тем, как выпить чашу с цикутой, или Джордано Бруно, прежде чем взойти на костер? Никому не дано этого знать и людская фантазия, всегда склонная к романтическому преувеличению, рисует бесчисленные картины подвига духа, ведущего последний бой и аккумулирующего все силы для того, чтобы сказать самому себе решающее, итоговое слово...

Смерть была совсем рядом, и сверхчеловек, чувствуя на себе ее немного хищное, но все-таки обаятельное внимание, медленно брел по прохладной осенней улице. Есть в прощании с жизнью какое-то особое, наверняка самое сильное из всех существующих на свете наслаждение, когда, стоя на краю одного мира и уже всецело принадлежа другому, человек получает неведомую ему доселе способность увидеть и правильно оценить и свое прошлое, и свое будущее, ощутить себя порождением той Великой Тайны, которая исторгла из себя это прекрасное в своем безумии детище.

По странному стечению обстоятельств, хотя вряд ли можно считать мелочи, происходящие в Последний День, случайными, тридцатилетний сверхчеловек прошел ровно 36 шагов, отделивших его от телецентра, где металась по всем этажам Натали, не обнаружившая Артура после своего возвращения из аппаратной в студию, когда из дома, стоявшего на противоположной стороне улицы, вышел Роберт Смит. Мгновение, которое очертило своими контурами те неясные мысли, которые вложили в свое молчание эти два человека, стоило целых томов, содержащих описание потрясающей гаммы чувств, обнаженных и искренних в последнюю минуту. Их взгляды не скрестились, как написал бы циничный журналист из «Таймс» или сказала бы экзальтированная дамочка из «Новостей дня», они слились в одну беззвучную исповедь мудрого в своей тишине прощания, в котором было гораздо больше вопросов, чем ответов. Магистра не было видно, но Артур слышал и его голос, вплетающийся в гармонию последних минут жизни, в которой диссонирующая непримиримость двух титанов каким-то непостижимым образом переплавилась в чудесный аккорд, приводящий к единому знаменателю две истины, так долго и так бессмысленно отрицавшие друг друга.

Вечность последней минуты прервал сноп ярко-желтых искр, испуганной стаей выпорхнувших из глаз Карелина. Сверхчеловек, пришедший в этот мир простым смертным и пожелавший оставить его абсолютно земным существом, возвратил Вселенной свое совершенство, и теперь уже просто артист и ученый Артур Карелин, подняв правую руку, прощаясь и одновременно подавая сигнал к

действию, шагнул на проезжую часть улицы, улыбаясь летящим навстречу пулям...

Эпизод второй.

... Бешено хлопнула входная дверь и Натали, бесцеремонно опровергая законы физики, отрицающие возможность столь быстрого передвижения на тонких иглах, которые давно позабытая кокетка назвала каблуками, врезалась в толпу, бесформенно теснившуюся у края дороги. Та дикая энергия, с которой эта хрупкая женщина расшвыривала в разные стороны дюжих мужиков, съежилась в ней комочком боли, когда, отодвинув в сторону последнего человека, она увидела лежавшее на асфальте искореженное свинцом тело Артура. Медленно, очень медленно, ощущая только желание заорать в пустоту, но осознавая пошлость такой истерики, Натали подошла к нему и, опустившись в лужу крови, осторожно приподняла его голову. Она вглядывалась в это абсолютно живое, лишь по какой-то грустной прихоти закрывшее на минуту глаза лицо, в эту легкую улыбку с наклепанными на нее мелкими бусинками крови и вдруг, повинувшись какому-то неясному порыву, приникла к губам Артура. Дрогнули веки, приоткрывая глаза и озорной, как бы говорящий: а здорово я тебя разыграл! взгляд Карелина стал осмысленным и живым.

Счастливики, успевшие занять места в первом ряду на этом странном, фантасмагоричном представлении, долго рассказывали потом своим менее расторопным собратьям о тех гримасах, которые нелепым калейдоскопом сновали по лицу непонятным образом ожившего трупа, плодя нереальные в своей смелости слухи, но сейчас они, окаменев от неверия собственным глазам, тупо взирали на сидевшую на земле и чему-то счастливо улыбающуюся женщину. А Артур, видимо решив, что он уже достаточно позабавил почтенную публику, и, подчиняясь правилам какой-то понятной только ему игры, по условиям которой он опять должен изображать мертвеца, снова закрыл глаза и, талантливо каменя, соскользнул с рук Натали на залитый красной жидкостью тротуар.

Из его полураскрытого рта в небо потянулась тонкая эфирная струйка, собирающаяся над головой в прозрачное облако. Этот синеватый комочек, оторвавшись от своего убежища и слегка покачиваясь в руках осеннего ветерка, медленно полетел вверх, колеблясь и вытягиваясь в разные стороны до тех пор, пока, словно под резцом Творца, не принял очертания всем известной скульптуры

Карелина, уже стоявшей в музее мадам Тюссо: левая рука в кармане брюк, полы пиджака отброшены назад сделанным шагом, правая рука поднята в приветствии. Натали молча поднялась с тротуара, оставив на нем часть того, кто на глазах изумленной толпы уходил в Вечность. Коротко глянув во след фигуре, уже начинавшей таять в ореоле заходившего солнца, она пошла по улице, чему-то улыбаясь и что-то неслышно шепча. За ее спиной раздались выстрелы, началась какая-то возня и возбужденные люди ринулись к новой сенсации, не замечая, что топчутся по останкам своего бывшего кумира, но Натали уже ничего не слышала. Она просто шла вперед...

Эпизод последний.

... Огромный бело-голубой шар степенно двигался по своей орбите, бережно неся на ладонях маленькую улицу, ставшую на какое-то крошечное мгновение центром Вселенной для существа, покидающего его навсегда. Взгляд сверхчеловека, поднимавшегося все выше и выше, был прикован к месту, в котором по какому-то молчаливому согласию встретились мужчина, только что поставивший последнюю точку в истории жизни двух гениев и женщина, ставшая подругой одного из них. Земля салютовала своему сыну фейерверком сожалеющих, проклинающих, скорбящих голосов, но Артур слышал сейчас только две чистые мелодии, звучащие для него гимном веры в то, что жизнь все-таки продолжается...

1998 год

Официальный сайт автора www.andreydanilov.org